

К 175-летию Великой французской революции

Лев Семенович Гордон

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПУБЛИЦИСТ XVIII в. ОГЮСТЕН РУЙЕ

Французский ежегодник 1964

М.: Наука. 1966. С.5-34

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

Библиографы Франции отметили выпущенные в 1773 г. анонимно книги под несколько странным названием: «L'Alambic moral»¹ и «L'Alambic des loix»². Как известно, слово «Alambic» означает применяемый в химии перегонный куб. Очевидно, успехи естественных наук в XVIII в. побудили автора применить ставшую уже популярной техническую терминологию к социальным и этическим проблемам своего времени. Если же учесть к тому же, что в заглавии прославленной книги Монтескье «Дух законов» — «De l'esprit des loix», слово «esprit» можно перевести не только как «дух» или «разум», но и как «спирт», станет очевидным намерение автора в самом заглавии своей книги «L'Alambic des loix» противопоставить свою позицию позиции Монтескье. Это заглавие, кстати, в свое время ввело в заблуждение не слишком внимательного хроникера: еще в 1780 г. Башомон отметил эту книгу, явно не прочитав ее, как написанную в духе Монтескье³, через столетие эту ошибку за ним повторил П. Ардашев⁴.

Кроме этих двух беглых (и ошибочных) упоминаний о названных книгах, существует еще три высказывания. В своем сводном труде «Социализм в XVIII веке» А. Лиштанберже отметил, что в «Alambic des loix» наблюдается некоторый интерес к народам, живущим на отдаленных островах «в естественном состоянии, мягко следуя установлениям природы»⁵. Э. Каркассон в монографии «Монтескье и вопросы французской конституции» обратил внимание на то, что в «Alambic des loix» критикуется Монтескье; обнаружив, что «Дух законов» поразил автора этой книги своей усложненностью⁶, он воздержался от ее дальнейшего рассмотре-

¹ «L'Alambic moral, ou Analyse raisonnée de tout ce qui a rapport à l'homme». Par l'Ami des François. Maroc. [Paris]. 1773.

² «L'Alambic des loix, ou Observations de l'Ami des François. Sur l'homme et sur les loix». Hispan. [! — Paris], 1773.

³ B a s h o m o n t. Mémoires secrètes..., t. XV. Londres, 1781, p. 117—118.

⁴ П. Ардашев. Администрация и общественное мнение во Франции перед революцией. Киев, 1905, стр. 74.

⁵ A. L i c h t e m b e r g e r. Le socialisme au XVIIIe siècle. Paris, 1895, p. 163.

⁶ E. C a r c a s s o n n e. Montesquieu et le problème de la constitution française au XVIIIe siècle. Paris, 1930, p. 334—335.

ния. Наконец, Вернер Краусс в «Очерках немецкого и французского Просвещения» приводит из «Alambic moral» только свидетельство о бедственном положении множества безыменных литераторов Франции во второй половине XVIII в.⁷, но больше ничем эта книга его не привлекла. Таким образом, по существу оба «Alambics» до настоящего времени никем не изучены.

Выходные данные обеих книг, прячущие место издания, свидетельствуют о том, что анонимный автор и его издатель хотели остаться неизвестными. Иначе говоря, перед нами типические livres clandestins — подпольные книги предреволюционного издания. Французские библиографические справочники Керара⁸, Брюне⁹, каталог книг Парижской национальной библиотеки¹⁰ приписывают эти книги некоему Огюстену Руье д'Орфей (Augustin Rouillé d'Orfeuil); ему же, по их указаниям, принадлежит и целый ряд других произведений, вышедших до самой революции. Однако сам автор указанных книг, имеющихся в СССР в составе библиотеки Вольтера¹¹, постоянно ссылается лишь на свою книгу «Ami des Français»; кроме того, в предисловии к «Alambic des loix» он говорит о своем намерении выпустить еще ряд других Alambics: «Alambic chimique», «Alambic physique» и т. д. Поскольку ни одна из последующих книг, приписываемых этому автору, не носит названия «Alambic» и, как можно судить по заголовкам, никак не связана с его тематикой, мы полагаем, что библиографы приписали одному лицу произведения, по меньшей мере, двух авторов¹².

Следует отметить, что семья Руье д'Орфей принадлежала во Франции XVIII в. к высшему служилому дворянству: представитель этой семьи Луи-Гаспар Руье д'Орфей был последним предреволюционным интендантом Шалона (Шампань), хорошо известным русскому читателю по книге П. Ардашева¹³. Керар и Брюне сообщают, что Руье д'Орфей — автор указанных выше книг — был полковником; moreover, Брюне оговаривается, что автором их мог быть и некий не известный ни литературе, ни истории шевалье де ла Форс (chevalier de la Force). На основании идейного анализа обеих книг (о чем речь пойдет ниже) представляется сомнительной близость автора как к королевской администрации, так и к военным кругам. Поэтому мы считаем вопрос об авторстве этих книг открытым, и в дальнейшем будем условно называть автора просто Руье, отбрасывая аристократическое окончание фамилии д'Орфей.

В обеих известных нам книгах Руье постоянно ссылается на третью — «L'Ami des Français». Этой книги мы не нашли в книгохранилищах СССР. Но так как он ссылается на нее всегда только в подтверждение своего мнения, для нас ясно, что никаких идейных разноречий между нею и другими книгами Руье нет; к тому же из «Alambic moral» и «Alambic des loix» видно, что автор — очень неопытный литератор, часто повторяющийся, переносящий целые отрывки из одной книги в другую. Исходя из этого, мы сочли возможным ограничиться изучением этих двух доступных нам книг для характеристики взглядов этого публициста.

Обе книги — и «Alambic moral» и «Alambic des loix» — изданы в одном

⁷ Werner Krauss. Studien zur deutschen und französischen Aufklärung. Berlin, 1963, S. 154.

⁸ J.-M. Querard. La France littéraire, t. 1—10. Paris, 1827—1839.

⁹ G. Brunet. Dictionnaire des ouvrages anonymes... Paris, 1889.

¹⁰ «Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque Nationale», t. I. Paris, 1897.

¹¹ «Библиотека Вольтера». Каталог книг. М.—Л., 1961, № 3020 и 3021.

¹² Э. Каркассон тоже приписывает этому автору только упомянутые нами три книги; однако он полностью принимает приводимые библиографами данные о Руье д'Орфей.

¹³ П. Ардашев. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка (1774—1889), Киев, т. I, 1900; т. II, 1906.

и том же 1773 г.; однако они, очевидно, написаны в разное время и отражают разные ступени авторского сознания. По словам Руйе, «*Alambic moral*» являлся «развитием принципов, лежащих в основу «*L'Ami des François*»¹⁴. Этот «моральный перегонный куб» написан в излюбленной XVIII веком форме энциклопедического словаря. Вторая книга — «*Alambic des loix*» («Перегонный куб законов») — представляет собой попытку создать политический трактат (тоже в духе XVIII в.) и содержит в себе несколько разделов, порой резко, хотя и в наивной форме, полемизирующих с «Духом законов» Монтескье.

Как видно из содержания этих книг, «*Alambic moral*» написан для крестьян и обращается исключительно к ним; «*Alambic des loix*» апеллирует к общественному мнению всей страны. По существу же оба труда (и, как можно судить по содержащимся в них ссылкам, тех же вопросов касается и третья книга — «*L'Ami des François*») посвящены основным животрепещущим проблемам эпохи: крестьянской собственности, значению земледельческого труда для Франции, налоговому и феодальному гнету, испытываемому крестьянами; абсолютистскому государству и церкви, торговле, колониям и роскоши. Энциклопедический «*Alambic moral*» уделял, кроме того, много места практическим советам крестьянам, начиная от советов по обработке земли и открытию школ повивальных бабок и кончая вопросами житейской морали, семьи и быта земледельца. Эпоха знала множество книг и журналов, посвященных этим вопросам, в первую очередь знаменитые труды физиократов.

Руйе, как и физиократы, считает основой всякого богатства сельское хозяйство: «Народ, у которого больше зерна, скота, соли, масла, вина, шерсти, пеньки и т. д., и является самым богатым»¹⁵. Но для физиократов, как известно, основой сельскохозяйственного производства служит капитал. Между тем для Руйе увеличение ценности земли происходит не за счет капиталов, вложенных в землю, а только за счет труда, затраченного на ее обработку. «Чем чище обработана земля, тем она животворнее, активнее, тем выше ее ценность»¹⁶, — пишет он.

Исходя из того, что основу сельского хозяйства составляет не капитал, а труд, он выступает за мелкое крестьянское хозяйство. «Округляться есть страсть богатых людей, сильно вредящая населению, сельскому хозяйству и торговле»¹⁷, — пишет Руйе. Когда земли бедняка захватываются богатым соседом, «участок, который был так хорошо обработан тем (прежним маленьким владельцем. — Л. Г.), оказывается поглощенным большим владением, в котором думают лишь об удовольствиях; сколько же продукции теряется для торговли и государства!»¹⁸ Руйе даже пугает читателя возможностью эмиграции трудового населения Франции, доведенного до отчаяния: «Очень часто случается, что этот человек, с отращиванием вида, что в его стране нет справедливости, покидает ее ради другой»¹⁹.

Руйе отказывается рассуждать о фермерах как юридически особой категории крестьян (арендаторах): он делает от этого термина отсылку к термину «*laboureur*», т. е. «земледелец»²⁰, и на протяжении всего «*Alambic moral*» исходит во всех суждениях из интересов земледельцев вообще и им адресует свои советы.

В «*Alambic des loix*» Руйе уточняет свое отношение к важиточным фермерам: «Крупные фермы вредят населению, а тем самым государству,

¹⁴ «*Alambic des loix*», p. XII.

¹⁵ *Ibid*, p. 217.

¹⁶ «*Alambic moral*», art. «*Laboureur*», p. 375.

¹⁷ *Ibid*, art. «*S'arrondir*», p. 62.

¹⁸ *Ibidem*

¹⁹ *Ibidem*

²⁰ *Ibid*, art «*Fermier*», p. 282.

либо 2 лошади с плугом обрабатывают большую площадь, чем 100 человек с мотыгами»²¹. Борясь против крупных ферм, Руиё готов даже подлаживаться к землевладельцу, убеждая его: «Ферма, сданная в аренду за 2000 ливров, принесла бы ее владельцу больше 5000, если бы земли, составляющие ее, были сданы в аренду по частям 40 или 50 частным лицам»²².

В своем стремлении к парцелляции земельных угодий Руиё не одинок. За 17 лет до появления его книги, т. е. в самый разгар славы физиократов, эту же земельную программу выдвигал экономист демократического направления Анж Гудар. В своей книге «Плохо поняты интересы Франции...» он утверждал: «Сто частных лиц, имеющих каждый по 40 арпанов земли, извлекут из них больший доход, чем одно лицо, которому единолично будут принадлежать 1000»²³.

Следует отметить, что построения Руиё перекликаются с взглядами не только плебея Гудара, но и тех мыслителей, выходцев из привилегированных сословий, которые, хотя и далеки от социального опыта Руиё, теоретическим путем близко подходили к его выводам: таковы, в первую очередь, Кликко де Блерваш и особенно д'Аржансон. Кликко де Блерваш требовал создания класса крестьян-собственников: «Невозможно поставить на одну доску сельскохозяйственную культуру собственника, арендатора и поденщика; расчетливость, бдительность, экономия времени — все это лежит на стороне собственника, сокращая для него издержки производства»²⁴. Поразительна близость аргументации, почти дословное совпадение между этим высказыванием Кликко де Блерваша и ранее приведенным мнением Руиё.

Если Кликко де Блерваш поддерживает эти положения с точки зрения экономической целесообразности (причем, по справедливому замечанию Ф. Вольтерса, «при всех этих дифирамбах мелкому хозяйству речь шла, нужно заметить, не о сохранении бедных половников»²⁵, то у д'Аржансона они высказаны (в записях для себя, опубликованных лишь посмертно) как некий социальный и очень смелый идеал: «Было бы желательно, чтобы все сельскохозяйственные угодья принадлежали только тем, кто может их обрабатывать сам, и чтобы эти угодья были свободны от чьих бы то ни было прав и от всяческих повинностей, какими они и были, когда их впервые распахивали наши предки. Таким образом все королевство стало бы свободным мужицким владением»²⁶. По существу, не дальше этого утопического пожелания пошел в своей аграрной программе в годы революции 1789—1794 гг. Социальный кружок, когда его организатор и идеолог Никола Бонвиль высказал положение: «Каждый человек имеет право на землю и должен владеть земельной собственностью, обеспечивающей существование. Он вступает во владение при помощи труда, и его доля должна быть ограничена правами ему равных»²⁷.

От защиты мелкого крестьянского землепользования Руиё переходит к защите крестьянской собственности. Он настойчиво и последовательно объявляет себя поборником священного права собственности. С наибольшей отчетливостью это выражено им в его полемике с Монтескье:

²¹ «Alambic des loix», p. 225.

²² Ibidem.

²³ [Ange Goudar]. Les intérêts de la France mal entendus dans les branches de l'agriculture, de la population, des finances, du commerce, de la marine et de l'industrie. Par un citoyen, t. I. Amsterdam. [Paris], 1756, p. 38.

²⁴ Цит. по: М. М. Ковалевский. Происхождение современной демократии, т. I. СПб., 1912, стр. 444.

²⁵ Ф. Вольтерс. Очерки по истории аграрных отношений и аграрного вопроса во Франции 1700—1790 гг. М.—Пг., 1923, стр. 178.

²⁶ R. L. de Voyer d'Argenson. Considérations sur le gouvernement ancien et présent de la France. Amsterdam, 1764, p. 271.

²⁷ Цит. по ст.: Walter Markov. Grenzen des Jakobinerstaates. Grundpositionen der französischen Aufklärung. Berlin, 1955, S. 335.

«1) Собственность каждого частного лица всегда и во всех случаях должна почитаться священной; 2) законодательство и конституция правительства должны обязывать каждое частное лицо иметь собственность»²⁸.

Это положение Руиё теснейшим образом связано с чрезвычайно важной, кардинальнейшей проблемой — положением французского крестьянства и крестьянской собственности в предреволюционной Франции.

Как известно, в феодальном обществе «конкретные формы крестьянского владения (пользования) землей могли быть очень многообразны и обеспечивать крестьянину весьма разную степень прочности этого «владения». На одном полюсе право пользования, закрепленное настолько прочно, что как бы приближается к полной собственности, на другом — право пользования настолько непрочное, что уже почти перестает быть условным владением, а приближается к простому возделыванию снятой за арендную плату земли. Между этими двумя полюсами и располагались все встречающиеся в исторической действительности варианты и виды крестьянского феодального держания»^{29–30} Маркс, отмечая разницу между традиционным обычно-правовым отношением и договорным отношением, определяемым точными нормами положительного закона, охватывает положение крестьянина в обоих случаях выражением «возделыватель-владелец».

У Руиё термины «*propriétaire*» (собственник) и «*laboureur*» (земледелец) равно относятся к долгосрочным арендаторам и к цензитариям. Объяснение этого смешения терминов следует искать в том, что во Франции XVIII в. фиск считал арендой только сдачу земли на срок не более девяти лет; все более продолжительные аренды он рассматривал как продажу или отчуждение³¹. Поэтому фиск облагал и долгосрочного арендатора и цензитария как собственника. Нет ничего удивительного в том, что цензитарий начинал сам считать себя собственником своего участка. При этом термин «*laboureur*» применялся не ко всякому земледельцу. *Laboureur* — не бедный цензитарий-труженик, а видное лицо во французской деревне в XVIII в. Как пишет А. Собуль, «*laboueurs* были зажиточными и даже богатыми крестьянами. Они имели достаточно земли, чтобы жить независимо. В крестьянской массе они составляли лишь малочисленную группу, но их социальное влияние было велико»³².

Когда Руиё пишет главу о собственности в «*Alambic des loix*», он нигде не дает определения собственности — ни юридического, ни экономического. Из сказанного выше о разных формах феодального держания видно, почему он и не мог этого сделать слишком зыбки были переходы между этими формами, равно охватываемыми понятием *propriété* в его эпоху. Само это слово не приобрело еще тогда того специфического оттенка буржуазной собственности, которое с ним связывается (как само собой разумеющееся) после победы капиталистической формации в Европе. Защита того, что заработано своим трудом, трудом своей семьи, своих предков (Руиё неоднократно настаивает на этом) от покушений феодала, опирающегося на «право сильного»³³, есть защита собственности, понимаемой (в категориях XVIII в.) как «естественное право» в отличие от права положительного³⁴. В этом отстаивании собственности тружеников, равных своим трудом, заключены основные положения эгалитаризма.

²⁸ «*Alambic des loix*», р 324

^{29–30} Б. Ф. Поршнев. Очерк политической экономики феодализма М., 1946, стр 30

³¹ Ф. Вольтерс. Указ соч. стр 172

³² A. Soboul. *Precis d'histoire de la Revolution française* Paris, 1962, р 46

³³ Ж. Ж. Руссо. Об общественном договоре или принципы политического права М., 1938, стр 6

³⁴ См. о двух пониманиях собственности в кн. J. P. Brissot de Warville. *Recherches philosophiques sur le droit de propriété et sur le vol dans la nature et dans la société* Paris 1780

Поэтому эгалитаризм — меньше всего «собственническая» (или «мелко-собственническая») идеология, хотя в его построениях и присутствует постоянно понятие *propriété*. Судя по всему, Руйе воспринимает это понятие как данность, не нуждающуюся ни в каких определениях. Первым условием ее он называет уверенность в своих правах собственника, в неизбежности пользования ею «лично, надежно и спокойно»³⁵ и в возможности ее передачи своим детям. По его словам, само понятие собственности «заключает в себе две идеи: 1) непрерывность владения и 2) свободное и беспрепятственное пользование. Чтобы владение собственностью было непрерывным, необходимо: 1) чтобы каждый собственник мог быть уверен в реальности своей собственности и 2) чтобы никто не мог претендовать на право лишить кого бы то ни было права на собственность и пользование ею»³⁶. Несколько ниже он перечисляет юридические помехи, препятствующие «этому основному принципу, без которого нет собственности»³⁷. Из этого длинного перечня помех видно, что Ф. Вольтерс правильно понимал злобещий для крестьянской собственности характер сеньориальных прав³⁸.

Ставя знак равенства между положением *fermiers* и *laboueurs*, т. е. между теми, кто пользуется землей (а в его сознании пользоваться — значит владеть ею), и теми, кто ее обрабатывает, Руйе тем самым по существу приравнивает собственность к труду. При этом для него принципиально важно традиционное начало — преимущество труда, труд нескольких поколений земледельцев. Здесь Руйе как будто переключается с Локком («Участок земли, имеющий такие размеры, что один человек может вспахать, засеять, удобрить, возделывать и потребить его произведения, составляет собственность этого человека. Человек как бы отгораживает его своим трудом от общего достояния»³⁹) и еще в большей мере с Руссо («Только труд, давая земледельцу право на произведение земли, которую он обработал, дает ему как следствие и право на самый участок, по меньшей мере до сбора урожая, и так из года в год; это же, составляя продолжающееся обладание, легко превращается в собственность»⁴⁰), если только он знал Локка и Руссо. Скорей всего они остались ему неизвестны: хотя трактат Локка, рассматривающий проблемы образования государства и собственности, издавался во французском переводе («*Du gouvernement civil*») то в Амстердаме, то в Женеве, Брюсселе, Лондоне с 1691 г. до самой революции шесть раз, Руйе его не упоминает, как не упоминает и трактата Руссо 1754 г. Но оба эти трактата исходили из гипотетического «естественного человека» и могли не привлечь его внимания. Зато он не мог не знать юридическую практику своего времени и недавнего прошлого, провозглашавшую в книгах Лорьера, крупнейшего юриста Франции времен Людовика XIV, что «наследство (на земельный участок. — Л. Г.) защищается и охраняется лишь до тех пор, пока на нем находятся плоды»⁴¹. И уж наверное он знал надежды и чаяния своих современников — крестьян: для них земля, которую они обрабатывали из поколения в поколение, снимая с нее плоды и заново ее вспахивая и засеивая, давно была наследством, и следовательно, собственностью. Поэтому Руйе, как и Эжен Бонмер, признанный идеолог французского кре-

³⁵ «*Alambic des loix*», p. 324—325.

³⁶ *Ibid.*, p. 325.

³⁷ *Ibidem.*

³⁸ См. С. Д. Сказкин. Февдист Эрве и его учение о цензиве — Сб. «Средние века», вып. I. М., 1942, стр. 199.

³⁹ Д. Локк. Избранные философские произведения, т. 2. М., 1960, стр. 21.

⁴⁰ J.-J. Rousseau. *Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes*. Paris, 1954, p. 120.

⁴¹ Eug. Laurière. *Commentaires sur les Institutes de Loisel*, II, 15; (Цит. по кн.: М. Leroü. *Histoire des idées sociales en France*. T. I. De Montesquieu à Robespierre. Paris, 1946, p. 163).

стьянства первой половины XIX в., принимает, что «собственность — святая и законная дочь труда»⁴².

Руйе — неопытный литератор — не поднялся до такой отточенной формулировки; он беспомощно топчется на протяжении многих страниц, излагая свою мысль. Для Руйе особенно важно, что крестьянская собственность — результат труда многих поколений; это, несомненно, патриархально-традиционалистский, крестьянский подход. Поэтому ему подозрительны и социально враждебны все те, кто по разным причинам не связан ни с постоянным трудом, ни с постоянным местожительством. Он пишет: «Вредны и обязательно должны быть изгнаны бездельники, самозванные аббаты, жулики, рыцари наживы, не считая бродяг, нищих, слуг, а их во Франции более двух миллионов, людей без определенных занятий, состояния и очага»⁴³. То же он повторяет и в разделе «Бродяги», в число которых он включает и «странствующих рыцарей», и бесприютных аббатов, и поденщиков, скитающихся по Франции в поисках работы⁴⁴.

Эти строки отражают подлинный страх цензитария потерять свой участок и деклассироваться, перейти в состояние людей без постоянного жительства и постоянных занятий (*sans domicile et sans aveu*). Февдисты отстаивали право цензитария распоряжаться своей цензивой по своему усмотрению и продавать или закладывать ее; они считали это благом для крестьян. Но для многих цензитариев это означало переход в класс безземельных батраков. Как явствует из Руйе, это им представлялось самой страшной перспективой.

Из книги Руйе видно, что земледельцы (*laboueurs*) иногда могли быть доведены до нищеты что «работники» (*manouvriers*), особенно если они занимались кустарным промыслом порой могли быть много зажиточнее их. И тем не менее земледелец трудящийся на земле многими поколениями, даже если «он разделен нищетой и угнетением, унижен гордыней и наглостью бездельников, без соревнования, без образования, на которое он не имеет средств, без знаний, без понятий, невежественный, как ведомый им вол»⁴⁵, является для Руйе истинным собственником (*propriétaire*).

Если в условиях феодально-абсолютистской Франции сложно провести экономическую границу между наследственным цензитарием и простым арендатором, то граница между возделывателем-владельцем и батраком усматривается совершенно четко. Еще за 15 лет до появления книг Руйе его современник, аббат Куайе, писал: «Необходимо ясно отличать возделывателя-владельца от батрака. Сокращение числа владельцев — роковой удар для сельского хозяйства. Владелец работает, сколько может, и ждет событий. Батрак (весьма многочисленный класс, тогда как тот очень мал) работает лишь поскольку ему платят»⁴⁶. Это высказывание Куайе перекликается с предложением Гельвеция постепенно увеличивать жалование поденщиков, давать им в вознаграждение небольшие земельные участки и тем самым переводить их на положение земельных собственников⁴⁷.

Понятие о собственности и собственниках у Руйе не носит характера классовой ограниченности и не основывается на каких-либо социально-эгоистических расчетах. Наоборот, Руйе искренне убежден, что собственником не только может и имеет право, но и обязан стать всякий бедняк. Именно это он имеет в виду, когда пишет об общественных землях: «Эти пустующие земли, оставленные для общественных пастбищ, нужные для

⁴² См. И. И. Фролова, Эжен Бонмер и его «история крестьян». — «Французский ежегодник... 1958». М., 1959, стр. 587.

⁴³ «Alambic moral», art. «Milices», p. 412—413.

⁴⁴ «Alambic des loix», p. 400—401.

⁴⁵ «Alambic moral», art. «Charrue», p. 109.

⁴⁶ G.-F. Coquerel. Défense du système de la Noblesse commerçante. — Oeuvres, t. II. Paris, 1783, p. 282.

⁴⁷ Гельвеций. Об уме. М., 1938, стр. 19.

прокорма скота бедных людей, не имеющих земли, остаются бесплодными. Не лучше ли было бы, если бы государство за доступную цену уступило эти земли беднякам?»⁴⁸ Как известно, когда Конвент встал перед выбором либо национализации общинных земель, чего требовало меньшинство, либо раздела их между жителями, чего требовало большинство департаментов и округов, Конвент принял сторону большинства. Руйе предвосхищает в своей книге это решение.

Защита интересов бедняков не исключает, а укрепляет отвращение Руйе ко всем, кого он зачисляет в категорию бродяг. Его ненависть к ним отражает не столько экономическую, сколько социально-психологическую грань: он выступает перед нами носителем идеологии тех самых возделывателей-владельцев, о которых говорил Маркс. Он признает расслоение не столько по имущественному признаку, сколько по признаку отношения к земле: все, кто своим трудом и бытом связан с землей, противостоят тем, кто с землей не связан или связан только в порядке случайной, временной работы. Иначе говоря, для Руйе существует градация: те, кто входит в феодальную систему, хотя бы находясь на нижней ступени социальной лестницы, и те, кто в эту систему не входит. Отсюда видно, что Руйе живет еще феодальными представлениями и находится в плену феодального мышления.

Но и в таком понимании собственности заключена большая разрушительная сила. Вспомним наблюдения Маркса о том, что на свои участки крестьяне «имели такое же феодальное право..., как и сами феодалы»⁴⁹. Такое понимание оправдывало и стимулировало возмущение и бунт против нарушения этого права. Отсюда вывод Руйе, что любое недовольство и возмущение крестьян — результат ошибок абсолютистского правительства. В соответствующей статье своей энциклопедии он пишет, что «бунт, восстание — показатель порока правительства, большого пренебрежения управлением и дурной его организации. Нельзя иначе исправить положение, как только выяснив причину недовольства, наказав виновных и исправив порок»⁵⁰.

Руйе стремится помочь социальному самоутверждению возделывателей-владельцев. Отсюда его положение: «Сельское хозяйство — естественное занятие для человечества»⁵¹. Поэтому Руйе встревожен массовым бегством крестьян в города (отмеченным, кстати, многими его современниками) и озабочен тем, чтобы сохранить класс земледельцев; в разных аспектах и в связи с различными вопросами он постоянно настаивает на этом. Он возражает против обучения детей крестьян в коллежах, против «поголовной тяги всех к обучению, против гордости крестьянина, когда его сын учится в коллеже... Гораздо лучше, чтобы каждый воспитывал ребенка у себя дома в своей среде, приучал его к предназначенной ему профессии»⁵². Эта мысль представляет собой по существу предвосхищение мотивов «Развращенного крестьянина» Ретифа де ла Бретона (1775). Сознание сословной крестьянской корпоративности, пронизывающее произведение Руйе, по духу еще в чем-то родственно духу ремесленной цеховой корпоративности в феодальных городах.

* * *

Весь пафос книг Руйе направлен на то, чтобы добиться облегчения участи земледельцев (*laboureurs*), предоставления им возможности жить и трудиться. Только тогда, когда будет признана и освящена трудовая

⁴⁸ «Alambic moral», art. «Communes», p. 141.

⁴⁹ К. Маркс. Капитал, т. I М., 1955, стр. 723.

⁵⁰ «Alambic moral», art. «Révolte», p. 485

⁵¹ Ibid., art. «Agriculture», p. 31.

⁵² Ibid., art. «Ecoles», p. 227.

собственность земледельцев, Франция достигнет процветания и благосостояния. Чтобы расчистить поле свободной деятельности для земледельца, Руиэ принимается за раскорчевку всего того, что ему мешает в феодально-абсолютистской Франции. Он обрушивается со страстностью полемиста на все феодальные привилегии. С особой яростью он ополчается против феодального права охоты: «Мерзавцам позволяют врваться ко мне вопреки моему желанию, меня заставляют принимать их в любой час и столько раз, сколько раз им придет фантазия явиться. Они со своими собаками портят мои вещи, мои цветы, мое зерно, и приходится молчать. Мое поле опустошается, мои всходы пожираются дичью, меня заставляют терять урожай, мешая убрать его вовремя». Руиэ тут же оговаривается, что он не возражает против права короля на охоту. Но, делая уступку королю, он решительно возражает против права охоты феодалов: «Собственность должна быть во всех случаях священной... Они (французы. — Л. Г.) всегда с негодованием будут смотреть, как разоряют, обижают 10 тысяч полезных собственников, чтобы обеспечить роскошь пяти или шести частным лицам»⁵³.

Руиэ протестует также против баналитета, доказывая его вредность. Хотя он оправдывает его существование в прошлом, но о своем времени он пишет: «Но ныне все объекты баналитета сданы на откуп людям, стремящимся извлечь наибольшую прибыль: они подделывают меры и подменяют хорошее зерно плохим»⁵⁴.

Самое резкое возражение у Руиэ вызывают сеньориальные суды. Он пишет: «Что касается частного правосудия сеньоров, то я не понимаю, как гений может их отстаивать; еще меньше я могу понять, как автор «Духа законов», который всегда опирается на принципы и везде сопоставляет причины и следствия, может поддерживать подобную анархию»⁵⁵. Смысл его возражений сводится к тому, что выиграть дело в этих судах крестьянину невозможно: если он будет тратить время на длительное, затяжное и дорогостоящее судопроизводство, ему и его семье придется умереть с голоду. В своих обличениях сеньориального правосудия Руиэ поднимается до высот мрачного пафоса: «Эти несчастные бедняки и не думают жаловаться. Подавленные множеством пошлин всякого рода, отупевшие от бесчисленных злоупотреблений поборами и правосудием, они считают несправедливость и невежество своих судей только одним лишним несчастьем. Со стоном они подчиняются своей несчастной судьбе, работают кое-как, чтобы только поддерживать свое брэнное существование и с нетерпением ждут смерти, которая, освобождая их от всех этих бед, остается их единственной надеждой»⁵⁶.

Не меньше негодования у Руиэ вызывает и барщина, дорожная повинность (*corvée*), которую он называет «самым вопиющим и самым возмутительным из всех злоупотреблений властью». Если целью правительства, по его мнению, должно быть поощрение роста народонаселения и благосостояния страны, то корвэ «губительно противостоят этим двум целям, ибо 1) из-за них ежегодно теряется большая часть урожаев и 2) они разоряют, губят, внушают к себе отвращение и побуждают к дезертирству множество земледельцев. Я не понимаю, как может еще существовать столь вопиющее, столь нелепое и, в особенности, столь публичное злоупотребление, ибо нет никого, кто бы его не знал и не был им возмущен»⁵⁷. Справедливость его слов о всеобщем возмущении корвэ подтверждает и физиократ Мирабо: «Вы хотите знать мое пророчество, так вот оно: если

⁵³ «Alambic moral», art. «Capitanerie», p. 97—98.

⁵⁴ Ibid., art. «Banalité», p. 77—79.

⁵⁵ «Alambic des loix», p. 87.

⁵⁶ Ibid., p. 89.

⁵⁷ «Alambic moral», art. «Corvée...», p. 167—168.

корва будет продолжать существовать на прежних основаниях, то она превратит территорию королевства в огромное кладбище»⁵⁸.

Руие требует уничтожения феодальных привилегий: «Было бы, по моему, гораздо проще и умнее уничтожить эти привилегии, ибо все, что допускает злоупотребления и может быть вредно обществу, надо уничтожить»⁵⁹. «Я осмеливаюсь даже утверждать— рано или поздно мы уничтожим все, что представляет собой сеньориальные права... и даже может быть все, что имеет отношение к феодализму. Дай бог, чтобы это наступило скоро»⁶⁰.

Руие выступает здесь сознательным борцом против феодализма, подробно обосновывая свою позицию в специальном разделе «La Féodalité» в «Alambic des loix». Мы читаем здесь: «Все полагают, что феодализм нужен и полезен: но... я вижу, что феодализм — первая причина беспорядков, которые господствуют во Франции. И если они будут существовать далее, ничего хорошего не будет»⁶¹. Он вступает в полемику с Монтескье, утверждавшим, что с отменой привилегий сеньоров, духовенства, знати, городов получится «в результате государство либо народное, либо деспотическое»⁶². Руие пишет: «Если слово „прерогативы“ употребляют для обозначения различных классов, составляющих нацию, то оно является основой нашего общественного устройства. Но если понимать под словом „прерогативы“ исключения, баналитет, привилегии, тиранический вассалитет, дорожную повинность, даже самое странное и выдуманное право — сеньориальную юстицию, то, что бы ни говорил автор (Монтескье.— *Л. Г.*), я не только не считаю их необходимыми, но все мне доказывает, что они вредят торговле, сельскому хозяйству и народонаселению»⁶³.

Руие настаивает на немедленном уничтожении привилегий, обеспечивающих дворянству освобождение от повинностей и налогов: «Всякое исключение противозестественно и несправедливо, так как нельзя исключить одного человека, не перегрузив других»⁶⁴. Он комментирует и развивает эту мысль: «Нельзя сделать для одного человека исключение из чего-нибудь, не перегрузив несправедливо остальных долей того, для кого делается это исключение»⁶⁵.

При этом он делает уступку тем «поборам за пользование», которые могут рассматриваться как собственность феодала: он не покушается на собственность. Но и их он называет «бесспорно вредными для общества»⁶⁶. Поэтому он требует, чтобы закон позволил обществу откупиться от этих поборов. Но, предвидя жадность сеньоров, он хочет, чтобы тот же закон установил их стоимость.

В ожидании, пока этим займется закон, Руие сам берется тарифицировать их: двойной годичный взнос, пятигодичный взнос, и, наконец, десятикратный, или выкупаемый десятью годичными взносами. «После этого можно и нужно отменить все титулы и свидетельства, даже титул *fief* (т. е. само понятие поместья, лена.— *Л. Г.*), и полностью уничтожить все то, что зовется дворянством (*noblesse*), ибо звание благородного (*noble*) дается человеку за личные заслуги перед обществом и государством»⁶⁷.

⁵⁸ D u c r o y. La corvée des grands chemins et sa suppression, partie II, Paris, 1888 (цит. по: П. Ардашев. Провинциальная администрация во Франции, т. II, стр. 525).

⁵⁹ «Alambic des loix», p. 335.

⁶⁰ Ibid., p. 413.

⁶¹ Ibid., p. 302.

⁶² П.-Л. Монтескье. «О духе законов», книга 2, гл. 4.— Избранные произведения. М., 1955, стр. 176.

⁶³ «Alambic des loix», p. 86.

⁶⁴ Ibid., p. 115.

⁶⁵ Ibid., p. 304.

⁶⁶ Ibidem.

⁶⁷ Ibidem.

Позиция Руиё чрезвычайно любопытна: для укрепления мелкой крестьянской собственности необходимо уничтожение дворянских привилегий; в этом отношении для него все совершенно ясно, четко определено и не подлежит сомнению. В то же время он не может перешагнуть через главный рубеж, определяющий феодальный строй,— феодальную собственность на землю. Отдавая себе ясный отчет в ее несовместимости с мелкой крестьянской собственностью, он вынужденно соглашается на компромисс в виде выкупа. Эта непоследовательность Руиё, который не мыслит законной безвозмездной передачи земель феодалов крестьянам, показатель мышления зажиточного крестьянина. Себя он тоже воспринимает феодальным держателем земли, пусть стоящим на самой низкой ступени феодальной лестницы; поэтому у него не возникает и мысли о радикальном посягательстве на другие виды феодального держания, в частности на право держания земли сеньором, ибо это поставило бы под сомнение и его собственные наследственные права. Понимая жизненную необходимость ликвидации сеньориальных прав, он предлагает компромиссный путь постепенных выкупов, т. е. перехода от феодальных отношений к капиталистическим. Как земледелец-труженик он жаждет избавления от феодализма. Но осторожность собственника (ибо в каких-то отношениях он и собственник) мешает ему подняться до революционных выводов Жана Мелье.

Руиё не предвидит трудностей при проведении операции выкупа. По его неоднократно высказанному мнению, феодализм во Франции давно изжил себя. Он отказывается уважать «глупца или жулика за то лишь, что тот носит имя человека, который был некогда полезен отечеству, что хранит в своем шкафу свиток пергамента, которого он не умеет и никогда не сумеет прочесть»⁶⁸. При этом неизвестно, кого Руиё презирает больше: знатных сеньоров, покинувших свои замки и толпящихся при дворе, став там «беспольными, презренными и дорогостоящими рабами»⁶⁹, или обнищавших провинциальных дворян, которые, «раздувшись от неуместной гордости, предпочитают грызть сухие корки, не имея во что одеться, лишь бы не заниматься ничем»⁷⁰.

Поэтому при всей половинчатости позиции Руиё в вопросе уничтожения феодальных привилегий к его книгам применимо то обвинение, которое было предъявлено несколько лет спустя сочинению сторонника идей Тюрго Бонсерфа «О неудобстве феодальных прав». Как известно, в этом обвинении говорится, что книга Бонсерфа «противна законам и обычаям Франции, священным и неотчуждаемым правам короны и праву собственности частных лиц; что она стремится поколебать всю конституцию монархии, возбуждая вассалов против сеньоров и против самого короля, представляя их сеньориальные и домениальные права как некую узурпацию, ненавистное и нелепое насилие, предлагая им мнимые средства их уничтожения, столь же противные уважению к королю и его министрам, как и спокойствию королевства»⁷¹. Книгу Бонсерфа сожгли, и это ввело ее в историю; книги Руиё не попали на глаза прокурору парламента и оказались забытыми. Но по значимости и остроте своей антифеодальной направленности они имеют право встать впереди книги Бонсерфа, тем более, что опередили ее на несколько лет — они вышли в 1773 г., а книга Бонсерфа — в 1776 г.

Не прошло и двух десятилетий, как многие из антифеодальных высказываний Руиё обнаруживаются в крестьянских наказах 1789 г. Совпадение мыслей Руиё и наказов доказывает, что Руиё выражал надежды и чаяния множества своих современников.

⁶⁸ «Alambic moral», art. «Noblesse», p. 425.

⁶⁹ Ibid., p. 426.

⁷⁰ Ibidem.

⁷¹ Цит. по: М. М. Ковалевский. Указ. соч., т. I, стр. 309.

Выдвигая программу ликвидации феодальных прав и привилегий, Руйе понимал, что по существу речь идет о завершении процесса гибели старой феодальной знати. Тем большую опасность он видит в новом враге крестьянства — городском буржуа. Его ненависть к буржуазии проявляется в трех аспектах: во-первых, в связи с его борьбой против феодальных привилегий, когда речь идет о новой знати, покупающей себе за деньги сеньориальные права; во-вторых, он страстно отвергает основной двигатель буржуазной экспансии — выгоду, или, как он говорит, частный интерес; и, наконец, он хочет смести с лица земли не только буржуазию, но и ее логово — город.

Тревога Руйе, вызванная появлением новой знати, была более чем обоснованна: у Ардашева можно найти крайне интересную статистику возведения в дворянство⁷², свидетельствующую о неуклонном росте этой новой социальной прослойки во Франции накануне революции. Тревогу внушали не их титулы, конечно: главным скупщиком земель разорявшихся феодалов являлась буржуазия, ставшая одним из крупных владельцев сеньориальных прав и доходов.

По мнению Руйе, «огромное количество знатных, которыми наводнена Франция, с тех пор, как благородство продается с торгов, одна из первых причин всех наших бед»⁷³. Он обрушивает настоящую инвективу на это новое дворянство: «Новое дворянство, я хочу сказать то, которое заплатило за свое благородство, больше всех других вредит Франции и французам. Оно вредит Франции потому, что оно и самое многочисленное, и самое бесполезное, а тем самым оно больше всего в тягость»⁷⁴.

Руйе выдвигает против нового дворянства те же доводы, что и против традиционного: «Это дворянство вредит французам, потому что его осыпают... привилегиями, исключениями, правами и т. д. Так как оно становится с каждым днем все более и более многочисленным, эти столь размножившиеся изъятия крайне несправедливо ложатся на плечи тех, у кого недостаточно денег, чтобы стать дворянином. Необходимо, чтобы все исполнялось и все оплачивалось, нельзя сделать из этого исключения для одного человека, не перегружая других тем, что он должен был бы сделать или оплатить»⁷⁵.

Но и от тех буржуа, которые продолжают числиться в третьем сословии, Руйе не ждет ничего хорошего. Вот как он оценивает власть денег в современном обществе: «Деньгами можно открыть или запереть все двери, ими останавливают обращение, губят торговлю, добиваются исключительных привилегий, присваивают себе все, что хотят, сбивают цену на продовольственные товары, накапливают их, а потом произвольно повышают цены»⁷⁶.

Руйе высказывает глубокое отвращение к власти денег: «В наше время деньги дают богачам возможность оставаться безнаказанными. Закон о возмещении убытков — бессмыслица, никто и ничто не может компенсировать утрату жены, сына, репутации. Это только на руку богачам, которые чувствуют, что им все доступно»⁷⁷. Какими бы наивно-морализаторскими ни казались нам его суждения о власти денег, они не могут не привлечь нашего внимания. За его ненавистью к деньгам стоят тревоги за судьбы Франции: «Какое превосходство может иметь нация, поддержи-

⁷² П. Ардашев *Провинциальная администрация...*, т. I, стр. 575.

⁷³ «Alambic moral», art. «Noblesse», p. 426.

⁷⁴ «Alambic des loix», p. 309.

⁷⁵ Ibidem.

⁷⁶ Ibid., p. 315.

⁷⁷ «Alambic moral», art. «Dédommager», p. 187—188.

вающая обычай личного интереса, не знающая, что такое честь или добродетель»⁷⁸. Он выступает против обычного буржуазного мерил человека по имущественному признаку: «Деньги в такой же мере определяют достоинство, как пушки — храбрость»⁷⁹.

Выступая против власти денег, Руйе принципиально и страстно отрицает главный двигатель буржуазного общества — личный интерес, вступая тем самым в конфликт с ведущими положениями этики Гельвеция. Личный интерес внушает Руйе почти апокалипсический ужас: «Что это за страшное чудовище, с визгом кружащееся над нами? Его пасть — огромная пучина, беспрестанно изрыгающая кровь и огонь, его когти окровавлены, на его диадеме бриллиантами начертано — «личный интерес». О, чудовище, беги прочь от нас! Это ты, это твое отравленное дыхание явилось причиной всех наших бед»⁸⁰.

Одним из самых страшных проявлений личного интереса, с точки зрения Руйе, является откупная система. Сами откупщики для него — «банда богачей, отстраняющих правительство от финансов»⁸¹. По его мнению, откупная система «так же вредит частным лицам и их землям, как государству и его доходам»⁸², а откупщики «или перехватывают эти доходы, или раздувают их»⁸³. Отсюда его вывод, что откупщики не нужны, что они обходятся государству чрезвычайно дорого. С горечью он говорит о том, как тяжело ложится на плечи французского народа откупная система: «Из народа выжимают вшестеро больше того, что следует, его подавляют, угнетают, ему внушают отчаяние, деревни пустеют, и рано или поздно государство от этого страдает»⁸⁴. Руйе описывает жуткую картину сбора налогов во французской деревне: «Банда негодяев является (к крестьянину. — Л. Г.) от имени монарха, взламывает его двери, ворует, грабит, вырывает под гнусным предлогом обыска дочерей из объятий матерей, жен из объятий мужей, пользуясь неведением правительства... Подлая и презренная банда откупщиков... угнетает народ, отбирает у бедняков самое необходимое, продает их постели, их мебель, даже орудия их труда — единственное средство их существования, чтобы удовлетворить ненасытную алчность негодяев и обеспечить им возможность производить чрезмерные траты»⁸⁵.

Руйе не одинок в своей ненависти к откупщикам: ей созвучна едкая и уничтожающая оценка, данная им Гударом, который называет их вымогателями (*maltôtiers*) и пишет: «Вымогателям сегодня уже ничего не грозит: удар нанесен, сделка заключена, они захватили доходы короны, все богатства государства в их руках. Нет больше возврата к прошлому, нет даже надежды, что наши короли когда-нибудь узнают об этом беспорядке»⁸⁶.

В прямой связи с борьбой Руйе против откупной системы стоит его призыв упорядочить налоговое дело и ввести его в ограниченную законом норму: «Огромное множество налогов всякого рода, которые произвольно устанавливают откупщики, обманывая народ, не знающий ставок платежей и зачастую не умеющий читать, держит собственников и коммерсантов в неизвестности и в постоянном страхе... Стремясь извлечь как можно больше денег, откупщики как попало облагают тех, кого считают зажиточными. Все чахнет, все приходит в упадок. Земледелец отказывает своей земле в скотине, которая была бы ей нужна; у него скверные лоша-

⁷⁸ Ibid., art. «Armes», p. 61.

⁷⁹ Ibid., art. «Tirannie», p. 533.

⁸⁰ Ibid., p. 39.

⁸¹ Ibid., art. «Compagnie», p. 137.

⁸² Ibid., art. «Fermes générales», p. 282.

⁸³ Ibid., p. 283.

⁸⁴ Ibidem.

⁸⁵ «Alambic des loix», p. 283.

⁸⁶ [Ange Goudar.] Op. cit., t. I, p. 185.

ди, он пашет небрежно; порою он готов бояться хорошего урожая, потому что уверен, что его раздавят налогами, и лишат возможности прокормить свою семью, если не будет очевидна его крайняя нищета.

Какое невежество! Какое безразличие со стороны правительства... И нельзя даже жаловаться на испытываемую несправедливость. Интендант, мнящий себя богом, потому что он одновременно и судья и сторона, стремится лишь униженно выслуживаться перед двором, высылая больше денег, чем его предшественник; он слушает только тех, кто может быть ему полезен или кого ему приходится опасаться, и, занимаясь только своими удовольствиями, позволяет угнетать тысячи людей, во много раз лучше его»⁸⁷.

Слова Руйе о земледельце, боящемся урожая, чтобы не подвергнуться налету сборщиков налога, не преувеличение. Их подтверждением может служить рассказанный Руссо эпизод о крестьянине, опасавшемся, что его сочтут зажиточным⁸⁸. И не следует понимать это как защиту интересов сельских богачей, прячущихся под личиной бедняка. Наоборот, Руйе защищает бедняков от непропорциональной тяжести налогов, падающих на их плечи: «Государственные расходы должны распределяться между всем населением пропорционально богатству каждого. Правительство должно устанавливать такой налог, законы же исключают богатых из числа плательщиков. Это несправедливо: из за плохой администрации бедные платят за всех и платят вчетверо больше, чем надо»⁸⁹.

Ненависть к деньгам, к откупной системе связана у Руйе с ненавистью к городу, который является для него средоточием, с одной стороны, буржуазной алчности, голого чистогана и, с другой стороны, — неоправданных привилегий.

В своих филиппиках он смешивает понятия *bourgeois* в смысле горожанина и в смысле лица, пользующегося определенным социальным и экономическим положением, привилегии города и привилегии разбогатевшей верхушки города и т. п. Его ненависть к городам вообще, к городской культуре и роскоши раскрывает перед нами огромные противоречия внутри третьего сословия, к которому формально принадлежали и богатящиеся буржуа и нищающие крестьяне.

Источником всех бед Руйе считает роскошь, развратившую старое дворянство и породившую новое, алчное и ненасытное. Руйе понимает, что эта роскошь строится на страданиях народа: «Не прискорбно ли для человечества видеть, как богатства расходуются понапрасну, в то время как тысячи людей лишены хлеба и крова»⁹⁰. Но при этом Руйе подчеркивает, что он далек от какого бы то ни было эгалитаризма; больше того, он считает неравенство необходимым условием существования общества: «Неравенство обязательно. Если каждый захочет командовать, кем он будет командовать? Если никто не захочет работать, все умрут от голода. Если каждый будет волен делать и брать, что ему захочется, все станут бороться и драться. Следовательно, — заключает Руйе, — необходимо, чтобы было несколько классов с их обязанностями; нужно, чтобы каждый оставался на своем месте и делал свое дело»⁹¹.

В соответствии с требованием, чтобы каждый «оставался на своем месте», Руйе предлагает разделить общество на классы. В «*Alambic moral*» он пишет: «Нужно, как мне кажется, использовать это слово (классы. — Л. Г.), чтобы обозначить различные состояния, которые образуют наше общество. Их десять: 1) высшее дворянство; 2) дворянство; 3) высокопоставленные чиновники; 4) рядовые чиновники; 5) крупная буржуазия; 6) крупные землевладельцы и негодяи; 7) буржуа (горожане);

⁸⁷ «*Alambic des loix*», p. 283—284.

⁸⁸ J.-J. Rousseau. *Les Confessions*, livre IV. Paris, 1956, t. 1, p. 189—190

⁸⁹ «*Alambic moral*», art. «Finances», p. 286—287

⁹⁰ *Ibid.*, art. «Garde-meuble», p. 301.

⁹¹ *Ibid.*, art. «Inégalité», p. 344—345

мелкие землевладельцы и торговцы; 8) мастера; 9) ремесленники; 10) поденщики»⁹².

Налицо явное преувеличение значения землевладельцев, которых он ставит в своей схеме на очень высокое место: крупные землевладельцы у него идут сразу после крупной буржуазии, наравне с негоциантами, а мелкие землевладельцы поставлены в одной рубрике с буржуа и торговцами. Весь цеховой люд, включая мастеров, поставлен им ниже положения крестьян — и это, несомненно, отражает не реальное положение крестьян, а некий идеальный, грезывшийся Руйе порядок.

Еще разительней это в той классификации, которую он создает в «*Alambic des loix*». Здесь Руйе говорит о группах и классах, которые, по его мнению, должны появиться во Франции: «Необходимо образовать различные классы, чтобы каждый, занимая свое место и имея свои отличные от других функции, стремился к общей цели. Таких классов во Франции может быть десять: 1) высшая знать (принцы, герцоги, высшие сановники короны); 2) дворянство, состоящее из военных; 3) высшая магистратура, состоящая из канцлера, государственных советников, интендантов, прокуроров и генеральных адвокатов, старших актуариусов и всех членов парламентов; 4) магистратура, состоящая из субделегатов, комиссаров полиции, синдиков, нотариусов; 5) высшая агрикультура (*sic!*), состоящая из владельцев, которые, не будучи ни военными, ни магистратами и занимаясь исключительно сельским хозяйством, сами повышали бы доходность своих владений и, уж конечно, были бы не наименее полезными; 6) буржуа, включающие оптовых торговцев, мануфактуристов, воспитателей юношества, архитекторов, предпринимателей и т. п.; 7) коммерсанты, купцы, мелочные торговцы; 8) земледельцы и арендаторы; 9) ремесленники — это слово охватывает всех тех, кто, занимаясь каким бы то ни было ремеслом, имеет мастерские, рабочих, которых они оплачивают; 10) наконец, поденщики — в это слово включаются все те, кто живет трудом своих рук»⁹³.

В этой схеме мы видим еще большую идеализацию крестьянства: сразу после высшей и простой магистратуры идет класс «высшей агрикультуры». Это выдает мечту крестьянина — разбогатеть личным трудом, занимаясь сельским хозяйством, и пользоваться уважением, как военные и магистраты. И уже потом, двумя ступенями ниже, следуют простые земледельцы и арендаторы — те, кто еще не сумел извлечь богатств из земли и не пользуется еще соответственным уважением.

Любопытно, что Руйе распределяет свои классы по их функциям в государстве; признавая необходимость дворянства, он допускает в него лишь военных, т. е. лиц, действительно нужных для защиты государства. И вполне очевидно, что Руйе ставит «высшую агрикультуру» на более высокую общественную ступень, чем любых буржуа и коммерсантов: для него ценность человека определяется не столько его имущественным положением, сколько его связью с землей, собственностью на которую, по его мнению, и составляет его общественное положение в феодальном обществе. Поэтому ниже любого бедного земледельца идет цеховой ремесленник; и на совсем низкой, последней ступени стоит поденщик, не имеющий ничего, кроме своих рук.

Руйе, таким образом, объективно хочет сохранить докапиталистическую систему общества, хотя и выступает, как мы уже показали выше, против всяческих сеньориальных прав. Это позволяет нам говорить о противоречивости пафоса произведений Руйе. Он хочет реформировать феодальное общество, произвести радикальную перестановку на феодально-иерархической лестнице, но он не мыслит себе иной системы: он просто недостаточно знает, чтобы иметь о ней представление. Было бы глубоко

⁹² Ibid., art. «Classes», p. 122—123.

⁹³ «*Alambic des loix*», p. 436—437.

антиисторично навязывать Руье стремление вообще снести всю феодальную пирамиду. Руье остается в какой-то мере носителем феодальной идеологии и феодального мышления (и то и другое значительно шире и сложнее идеологии господствующего класса феодалов). Именно поэтому, безоговорочно отменяя все виды внеэкономического принуждения крестьян, он не посягает и не мыслит посягнуть на самую основу феодального строя — собственность феодалов на землю. Это естественно, ибо самоутверждение крестьянина как собственника еще отчасти строится на том же праве феодального держания. Но ясно, что этот феодальный принцип уже вступил в фазу разложения: Руье, смотрящий на мир чрезвычайно здраво, приходит к выводу о необходимости выкупа, оплаты давно изживших себя прав, т. е. по существу к феодальному праву стремится прибавить буржуазное: и тут буржуазное право вступает в противоречие с принципом эгалитаризма.

Такое же противоречие между феодальным и буржуазным сознанием проявляется у Руье в том, что он предполагает закрепить своих сограждан за этими сословиями навечно, причем «дети должны оставаться в сословии своих родителей»⁹⁴. С другой стороны, когда от теоретических построений и проектов государственного устройства он переходит к практике, к житейской повседневности предреволюционной Франции, он не может не протестовать, например, против замкнутости цехов, не допускающих талантливых мастеров, выходцев из крестьян или из городского плебса, против продажи цеховых привилегий: «Ничто не должно мешать соревнованию»⁹⁵. Здесь Руье утверждает внесословную ценность человека, право таланта ломать сословные перегородки. И хотя в систему Руье это входит лишь как исключение, само это исключение неумолимо свидетельствует о крахе феодального сознания, о его отступлении под натиском жизни и рождаемых ею новых отношений.

* * *

Характерно, что, говоря о делении общества на классы, Руье почти не упоминает ни крепостных крестьян, ни духовенства. Термина «крепостной» (*serf*) он не упоминает нигде, и только вскользь говорит о праве мертвой руки (*main morte*). По его не очень уверенно высказанному мнению, оно означает «всех тех, кто не может ни продавать, ни покупать»⁹⁶. При этом видно, что он больше имеет в виду монахов, пользующихся правом мертвой руки, а не их подданных; так, он пишет: «По-моему, было бы много проще и естественней отобрать у них те огромные блага, которыми они столь некстати пользуются, и обеспечить существование необходимых и полезных людей»⁹⁷. В другом месте он презрительно обзывает тех, кому это право на пользу, «прожорливыми животными, именуемыми людьми мертвой руки»⁹⁸. Из этого мы можем сделать вывод, что в той части Франции, где жил и действовал Руье, такого остатка крепостничества, как право мертвой руки, в 70-х годах XVIII в. уже не было. Известно, впрочем, что для огромного большинства французов эта проблема уже относилась к давно пройденному прошлому: революция 1789—1794 гг. застала во Франции лишь остатки крепостной зависимости крестьян, всего несколько десятков тысяч крепостных, подвластных праву мертвой руки на монастырских землях района Юрских гор (округа Жекс и Жеводан) и в Франш-Конте.

Иное дело — духовенство: оно играло слишком заметную роль в жизни Франции (кстати, и крепостничество сохранилось лишь на епископских и монастырских землях), чтобы можно было обойти его молчанием.

⁹⁴ «Alambic des loix», p. 437.

⁹⁵ «Alambic moral», art. «Maitrises», p. 390.

⁹⁶ *Ibid.*, art. «Main-morte», p. 383.

⁹⁷ *Ibidem*.

⁹⁸ «Alambic des loix», p. 328.

Но Руиё сознательно и настойчиво не связывает его с политической жизнью страны, то подчеркивая, что оно «имеет отношение к делам небесным, а не земным»⁹⁹, то утверждая категорически, что оно не должно составлять отдельного сословия, ибо не имеет реального предназначения¹⁰⁰.

Такое отношение к духовенству у Руиё не случайно и вызывается не только социальными, но и чисто идеологическими причинами. Дело в том, что, хотя он призывает бога, во всех его высказываниях чувствуется не совсем осознанный, но несомненный стихийный материализм. Объяснения явлений окружающей природы (атмосфера, погода) и человеческого организма (болезней, смерти), которые дает Руиё, при всей своей наивности обходятся без понятия бога или промысла. По его мнению, человек состоит из двух субстанций, души и тела, но «благоденствие души зависит от нас, а благоденствие тела — от правительства»¹⁰¹. Человек, по словам Руиё, насквозь материален: «От круговращения наших соков зависит наше существование, наше благополучие, наши пороки, наши добродетели, наши качества, все движения души, характер, ум, здоровье»¹⁰². И сама душа материальна: «Мозг — лаборатория души»¹⁰³. Он не верит в бессмертие души: его «никто не может доказать. Душу нельзя видеть, чувствовать, трогать, пробовать на вкус, слышать. Никто не знает, что это такое, никто не может рассуждать, знает ли он ее и понимает ли. Безумие тратить время на поиски души, которую я не могу ощущать физически»¹⁰⁴.

Руиё абсолютно снимает возможность бессмертия: «Когда тело умирает, т. е. абсолютно прекращается циркуляция жизненных соков, входящие в него атомы земли, воды, огня и воздуха возвращаются в свое исходное состояние и во всеобщее круговращение»¹⁰⁵.

Но Руиё не решается быть последовательным до конца, а дипломатически выдвигает сам себе возражение: «Если душа, которая нас заставляет действовать, — машина, это значит унижить себя, потерять благородство, достоинство, превосходство, столь дорогие людям, и встать в один ряд с растениями»¹⁰⁶. Отсюда вывод: «Нужен бог, чтобы вдохнуть жизнь»¹⁰⁷. Поэтому Руиё высказывается против атеизма, объявляя его бессмыслицей, хотя его основной аргумент в защиту бога зиждется на шатком фундаменте примитивной традиционности: «Боги всегда были у человечества»¹⁰⁸. С наивным цинизмом он раскрывает свое отношение к религии: «Неверие ложно, но модно. Однако нужно эти мысли хранить про себя: когда человек своими словами и действиями провоцирует скандал, правительство, обязанное следить за выполнением законов, должно наказывать его по всей строгости закона»¹⁰⁹.

Из этого можно сделать вывод, что отношение Руиё к религии складывается из двух моментов: из его безусловного стихийного материализма и из нежелания «провоцировать скандал», вступать в конфликт с господствующей церковной идеологией. Но в социальном плане Руиё очень решительно выступает против церкви и клира. Он стремится удешевить и регламентировать церковь: «Духовная иерархия должна быть упрощена, необходимо точно указать число и обязанности приходов»¹¹⁰.

⁹⁹ Ibid., p. 437.

¹⁰⁰ «Alambic moral», art. «Clergé», p. 126—127.

¹⁰¹ Ibid., art. «Bonheur», p. 88—89.

¹⁰² Ibid., art. «Circulation», p. 122.

¹⁰³ Ibid., art. «Corps», p. 157.

¹⁰⁴ Ibid., art. «Ame», p. 43.

¹⁰⁵ Ibid., art. «Circulation», p. 122.

¹⁰⁶ Ibid., art. «Immortalité», p. 333—334.

¹⁰⁷ Ibid., p. 334.

¹⁰⁸ Ibid., art. «Animal», p. 55.

¹⁰⁹ Ibid., art. «Irreligion», p. 368.

¹¹⁰ Ibid., art. «Clergé», p. 126—127.

Если вспомнить, что церковь была одним из крупнейших земельных собственников дореволюционной Франции, а князья церкви были одной из самых наглых и опасных разновидностей феодалов, мы по достоинству оценим яростные выпады Руйе против высшей церковной администрации: «Епископы, как они сами говорят, наследники и представители апостолов. Следовательно, они должны подражать им во всем, жить, как они, ничем не владеть на этом свете, не вмешиваться в суетные дела, избегать роскоши, подобно апостолам, проповедовать всюду с чистым сердцем и духом, подобно апостолам, учить на собственном примере воздержанию, терпению, уступчивости, добродетели»¹¹¹. Этой идеальной картине он противопоставляет реальность и в первую очередь обрушивается на римского папу: «Как объяснить, что этот епископ извлекает у нас ежегодно такие огромные суммы? Что он продает все свободные бенефиции во Франции? Что он присваивает себе право управлять из своей курии всей нашей иерархией? И, что еще хуже, как объяснить, что это преспокойно допускают?»¹¹² Руйе упрекает высшую церковную иерархию, всех князей церкви в алчности, стяжательстве, безправственности: «Примасы, архиепископы, приоры и т. п. имеют огромные доходы, великолепные дворцы, загородные виллы, любовниц и подчас даже всенародно признанных детей, дворецков и мажордомов, очень дорогих, роскошно обшитых серебром слуг всякого рода, очень наглых к тому же, много лошадей и карет, охотничьи выезды и т. д. Они пьют, едят, играют, сколько могут, и отправляют службы и выполняют свой долг лишь из гордыни или когда им больше нечего делать»¹¹³.

После этого остро иронично звучат слова Руйе о том, что «кюре, викарии и все остальные священники следуют, как могут, добрым примерам, которые им подают духовные князья»¹¹⁴. Руйе упрекает кюре в том, что у них «исповеди используется в личных целях. Кюре наедни со своими служанками осмеивают своих прихожан, полностью им доверяющих; они присваивают себе чужое имущество, представляют за него ложные счета и зачастую не возвращают его вообще; они торгуют святыней, ссорят семьи, одним словом, творят всевозможное зло»¹¹⁵.

Самые резкие возражения вызывает у Руйе защита Монтескье церковных имуществ и церковной юрисдикции. Руйе указывает, что благодаря накопленным богатствам, благодаря их концентрации церковь стала самым крупным собственником Франции, и ее собственность крепче и надежней дробящейся собственности феодалов, «а так как в наше время богатство является барометром значения, влияния и могущества, священники богаче всех»¹¹⁶. Поэтому нас не должно удивлять мимоходом высказанное (точно само собой разумеющееся) предложение Руйе о разделе церковных имуществ: «Используем эти богатства и восстановим при их помощи равенство между людьми: не потерпим, чтобы хоть один из наших ближних, из наших братьев, нуждался в необходимом»¹¹⁷.

Касаясь духовной юрисдикции, Руйе противопоставляет доводам Монтескье размышления об ужасных последствиях, которые принесло бы Франции политическое могущество духовенства, и заключает: «Представители церкви никогда не должны иметь юрисдикции какого бы то ни было рода, и никоим образом не должны вмешиваться ни в какие мирские дела; если в какой-нибудь стране они присвоили себе это право, никогда не будет слишком рано лишить их этого права, потому что оно абсолютно противоречит здравому законодательству, противоречит порядку и даже

¹¹¹ «Alambic moral», art «Espérances», p 252.

¹¹² «Alambic des loix», p. 311.

¹¹³ Ibid, p. 309.

¹¹⁴ Ibidem.

¹¹⁵ Ibid, p 311.

¹¹⁶ Ibid, p 91, 310

¹¹⁷ «Alambic moral», art «Eglises», p 232

религии и т. д. и т. д. и нисколько не связано с хорошими законами, что бы ни говорил автор»¹¹⁸

С презрением и ненавистью пишет Руйе о церкви, «поглотившей больше трети королевства»¹¹⁹. Особое возмущение у него вызывают монастыри, «скопища огромного множества бездельников, бежавших из деревни, или негодяев, скрывающихся от правительства: они теснятся в монастырях под нелепо бесформенной одеждой разных цветов. К их услугам огромные блага, которыми они пользуются, ничего не делая, не принося никакой пользы»¹²⁰. «Они поглощают в государстве не только продовольствие, но и деньги, которые они искусно всеми способами извлекают из всех тех, кто имел дурацкую слабость их слушать и глупость им верить»¹²¹. Он возражает и против женских монастырей, куда отдают молодых девушек: «Они не могут быть хозяйками, матерями, женами; в монастырях они приобщаются к кокетству и распущенности»¹²².

* * *

Особое место в антицерковных выпадах Руйе занимает кардинал Ришелье как вдохновитель и теоретик абсолютизма. Руйе часто называет его не по имени, а презрительной кличкой «этот поп». Его доводы он отбрасывает, потому что они «ничего не доказывают; уже давно его оценили по заслугам, весь мир знает, что такое его безумное честолюбие»¹²³. Руйе не может простить Ришелье вмешательства в распри внутри Генеральных штатов 1614 г., его содействия установлению абсолютной монархии, повергшей Францию в бедствие.

Возражая против того презрения к народу, которое так отчетливо видно в «Политическом завещании» Ришелье (Руйе называет его фальшивкой, но считает нужным опровергать его положения), он выступает с панегириком во славу народа и обвинением против правительства: «Народ — так называют низшие классы населения. Народ, говорят, это животное, которым трудно управлять, бестолковое, беспокойное, всегда готовое к бунту, готовое схватиться за любую новинку и т. п. Когда народ таков, это верное доказательство того, что его правительство порочно. Если им трудно управлять, если он беспокоен, это доказательство того, что народу неудобно, а в том, что народу неудобно, повинно правительство.

Если народ бестолков, это доказательство нищеты, приводящей к отупению. Но нищета народа не может иметь других причин, кроме пороков управления. Если он готов взбунтоваться, это доказательство, что он вправе жаловаться на пороки управления. Если он хватается за новинки, это явное доказательство того, что он сознает, что им управляют не так, как им можно и должно управлять; он пытается всеми способами обеспечить себе благосостояние, которого он жаждет и для которого он чувствует себя предназначенным.

Когда весь народ, т. е. каждое отдельное лицо, будет хозяином у себя в доме, свободным в своих действиях и во владении своим имуществом, а его правительство будет карать преступления и преследовать порок, его правители будут справедливы и бескорыстны, и когда будет известно, что его хорошо уравновешенные законы непреложны и ни в коем случае не поддадутся произволу, тогда народ будет доволен и, как следствие — спокоен»¹²⁴.

Одним из самых страшных социальных зол, которые всей своей тяжестью ложатся на народ, Руйе считает колониальную и внешнеторговую

¹¹⁸ «Alambic des loix», p. 101.

¹¹⁹ Ibid, p. 312

¹²⁰ Ibid, p. 310

¹²¹ «Alambic moral», art «Couvens», p. 172.

¹²² Ibidem

¹²³ «Alambic des loix», p. 101.

¹²⁴ «Alambic moral», art. «Peuple», p. 447—448.

экспансию и их следствие — колониальные войны: «Колонии были и остаются главными причинами разрушения и гибели государств. Они увеличивают число глупцов, увеличивают без пользы расходы, питают и поддерживают роскошь и, что хуже всего, являются причинами наших войн. Сконцентрировав в своей стране наши силы и наши богатства, мы были бы богаче и сильнее и жили бы без войн, уважаемые своими соседями»¹²⁵. Саркастически пишет Руйе о том, как относятся к колонистам «их добрая и предобрая мать — метрополия. Она с величайшим тщанием велит подбирать всех негодяев и всех наиболее прогневивших потаскух, чтобы быстро заполнить пустоты в населении колоний. Она также заботливо выскивает для управления этими колониями людей, отличившихся долгами и распуханием; их тщательно выбирают из числа тех, от кого метрополия желает отделаться»¹²⁶.

От этой изничтожающей характеристики колоний Руйе переходит к защите прав и собственности народов колоний: «Колонистам запрещено обрабатывать почву волами или лошадьми. Их приучают уничтожать, мучить и изнушать усталостью людей, которых им продают очень дорого, и все преступление которых лишь в том, что у них черная кожа»¹²⁷. С иронией Руйе указывает, что «цивилизованные нации очень скандализованы, когда подлинные хозяева этих земель имеют дерзость хотеть помешать им захватить эти земли, не испытывая почтения ни перед паной, ни перед договорами, заключенными в Европе людьми, которых они не знают»¹²⁸.

Стоит отметить, что этой защитой прав колониальных народов Руйе не только полемизировал против положений Монтескье, который рассматривал колонии только с точки зрения торговли европейцев, и даже не ставил под сомнение вопрос об этичности или неэтичности колониальной политики европейцев в отношении туземцев (см. XXI книгу его «Духа законов»), но и вступал в конфликт с буржуазией Франции и с передовой буржуазной мыслью своего времени. Известно, что богатства арматоров Бордо, Сен-Мало, Нанта и колонистов Луизианы и Сан-Доминго строились на беспощадной торговле неграми и эксплуатации их труда. Характерно, что даже аббат Куайе, столь рьяно отстаивавший интересы и права народа, не только не выступал против колониальной политики, но призывал расширить ее, пытаясь всячески вовлечь дворянство Франции в колониальные авантюры¹²⁹. Известно, что с открытой защитой негров в ту пору осмеливались выступать только представители самого левого крыла французского Просвещения, такие, например, как плебейский писатель Дюлоран¹³⁰. Таким образом, и тут мысль Руйе во многом опережает свое время. Лишь через пять лет после опубликования его книг во Франции вновь прозвучит голос в защиту колониальных народов (и то не негров, а индусов) в трактате д'Анкетиль-Дюперрона «Восточное законодательство»¹³¹. И в том же году Дидро дополнил книгу Рейналя «Философская и политическая история внедрения и торговли европейцев в обеих Индиях» своими антиколониалистскими высказываниями¹³².

С антиколониалистской полемикой Руйе смыкается его откровенная —

¹²⁵ «Alambic moral», art. «Colonies», p. 132.

¹²⁶ «Alambic des loix», p. 222.

¹²⁷ Ibid., p. 221.

¹²⁸ Ibid., p. 222.

¹²⁹ G.-F. Coquer. Noblesse commerçante.— Oeuvres, t. II. Paris, 1783 (перв. изд.— 1756 г.).

¹³⁰ A. L. DuLaurens. L'Arretin moderne. Amsterdam, 1765. Art. «Les nègres» (с эпиграфом к статье: «Мы неправы, но нам нужен сахар»).

¹³¹ A.-H. Anquetil Duperron. Législation orientale. Amsterdam, 1778 (с посвящением «Народам Индостана»).

¹³² Yves Benot. Diderot, Pechmeja, Raynal et l'anticolonialisme.— «Europe», Janv.—févr., 1963, p. 137—153.

более того, демонстративная — пацифистская (до появления этого термина во французском языке) пропаганда. Так, мы читаем у него: «Война противоестественна, а ее герои чудовищны, так как у них нет других заслуг, кроме уничтожения себе подобных (преступление, караемое по законам самых различных народов смертью)»¹³³.

Нельзя не обратить внимания на редкую прозорливость Руйе, понимающего, что армия используется и для подавления собственного народа: «Двести тысяч французов, вооруженных против Франции, при малейшем слове, малейшем сигнале, готовы грабить и резать своих отцов, своих друзей, своих родных, своих соотечественников»¹³⁴. Поэтому он полемизирует против той апологии постоянных армий, которую находит у Монтескье, и выступает в защиту народной милиции: «Автор (Монтескье.— Л. Г.) думает, что армии лучше защищают страну. Нет, нет! Любовь к собственности и к отечеству, хорошо укоренившаяся в каждом мозгу, привязанность каждого к своему очагу, своей жене, своим детям, вот непреодолимые бастионы; каждый житель становится львом, защищая то, что он любит, что он получил от своих предков, что он намерен передать своим детям»¹³⁵.

Это положение он иллюстрирует событиями недавно прошедшей Семилетней войны: «Наши нормандцы и бретонцы отлично защищались (имеется в виду английский десант на побережье Франции в 1759 г.— Л. Г.) без вождей, без приказов, без армии. Если бы им не прислали (крайне некстати) военачальников и войска, а предоставили действовать самим, англичане только из газет узнали бы, что случилось с их десантными отрядами, и ни один из них не вернулся бы»¹³⁶.

Он заключает свои выводы против постоянной армии замечанием о том, что и в мирной жизни «гарнизоны приносят повсюду убытки, разорение, порчу нравов»¹³⁷. Поэтому же он возражает и против вербовки крестьян в армию: «Их следует набирать в войска только в случае крайней необходимости, за недостатком других; но и тогда следует оставлять по два или по меньшей мере, по одному сыну в каждой семье»¹³⁸.

* * *

Неисчислимы жалобы Руйе на плохую администрацию, на несправедливость суда, на продажу должностей и продажность должностных лиц; чтобы перечислить их, пришлось бы переписать добрую треть его книг.

Но из всех этих зол вызывает его особую ярость раздробленность Франции, различие в законах и обычаях, в налоговом обложении соседствующих провинций, и отсюда — злоупотребления. Все в современной ему Франции представляется Руйе неправильным, ошибочным и преступным, гибельным для государства и его граждан. Но он не ограничивается lamentациями, а выдвигает целую положительную программу, конструктивные меры которой тщательно продуманы и обоснованы. И если в негативных рассуждениях своих Руйе твердо держится на реальной почве, то читая позитивные страницы, мы попадем в мир наивной мечты, в некую крестьянскую утопию, в счастливый трудовой Pays de Cocagne.

Строя свою утопию, Руйе исходит из предпосылки о врожденной общности (sociabilité) человека. В доказательство этого он предлагает произвести эксперимент: собрать вместе 10 или 20, или даже 1000 не испорченных взрослыми детей и проследить за их поведением. «С этого момента они станут неразлучны... Я этого не видел, но готов биться об

¹³³ «Alambic moral», art. «Chasse», p. 111.

¹³⁴ «Alambic des loix», p. 288

¹³⁵ Ibid., p. 169

¹³⁶ Ibid., p. 170.

¹³⁷ «Alambic moral», art «Garnison», p. 301—302

¹³⁸ Ibid., p. 302.

заклад: человек рожден, чтобы жить в обществе. Какой же образ правления естественно установится в этом маленьком обществе? Прекрасная, добрая и совершенная республика: все будет общим, у них не будет других потребностей, кроме питания и карманных расходов, каждый станет с удовольствием и поспешностью вносить свой вклад в соответствии со своими силами... поскольку дети не знают пороков, естественный закон станет единственным законом»¹³⁹.

Но это — в идеале. А для своей утопии Руйе предвидит, что Франция будет монархией или республикой с монархом во главе. Во главе этой новой Франции должен, конечно, стоять король: Руйе убежден в том, что сам он — лояльнейший слуга короля и оплот монархической власти. Он даже выдвигает ряд теоретических положений, оправдывающих монархию и отвергающих как деспотию, так и республику. Но что это за королевская власть, которую он предлагает установить? По его мнению, «монархия должна основываться на твердых незыблемых законах, сохранность которых должна находиться под наблюдением суверенного трибунала, и король заинтересован, чтоб этот трибунал представлял всю нацию. Монарх же должен всегда помнить, что он такой же человек, как все остальные»¹⁴⁰.

Впрочем, Руйе наряду с этим проектом готов выставить и другой, который он называет федеративной республикой. Он пишет: «Я не вижу ничего, что могло бы помешать установлению во Франции этого рода правления, которое является, без сомнения, самым лучшим, самым мудрым, наиболее устойчивым и обеспечивающим максимальное равенство; потому что оно самое сильное и самое прочное из всех правлений, когда ничто не препятствует ее установлению.

Каждый город образовал бы маленькую республику, каждая провинция — большую; законы, обычаи, полиция, веса, меры — все у всех было бы одинаковым. Каждый город распределил бы то, что с него причитается для внесения в общий склад провинции, а та уже вносила бы непосредственно в государственное казначейство. Каждый город посылал бы трех депутатов, съезд депутатов образовывал бы совет провинции, и этот совет посылал бы трех депутатов в Генеральные штаты — блюстители и охранители законов.

Монарх был бы одновременно вождем и патриархом этой республики; в его руках сосредоточивалось бы наблюдение над суммой всех частей и над религией. Ибо нужно, чтобы никакой иностранец (имеется в виду римский папа. — *Л. Г.*) не вмешивался в ее дела; он должен быть единственным руководителем (*régulateur*) всей массы этих федеральных республик»¹⁴¹.

Роль короля, по Руйе, сводится к следующему: «Он получает свою власть только в результате свободного волеизъявления нации, которая, следовательно, всегда имеет право отнять ее, если он ею злоупотребляет или не выполняет своего долга»¹⁴².

Руйе выработал проект договора между нацией и королем (*contrat tacite*):

«Мы согласны, чтобы вы были нашим вождем, мы клянемся повиноваться вам и быть верными при условии, что:

1. Вы будете считать себя всегда и во всех случаях *primus inter pares*, так как вы человек, как и мы, и каждый из нас стоит столько же, сколько и вы;

2. Вы будете считать нас своей семьей и обращаться с нами, как со своей семьей, благоволившей выбрать вас вождем;

¹³⁹ «*Alambic moral*», art. «Garnison», p. 23.

¹⁴⁰ *Ibid.*, p. 274.

¹⁴¹ *Ibid.*, p. 167—168.

¹⁴² *Ibid.*, p. 61.

3. Вы будете неуклонно бдеть и трудиться над тем, чтобы удалять от нас все то, что может нам вредить, и обеспечивать нас всем тем, что может нам быть полезно;

4. Вы будете всегда уважать основные законы и ничего не станете менять, т. е. вводить новшества в управление, сохранив его таким, каким вы его застанете, и не будете предпринимать ничего существенного без согласия трибунала, представляющего нацию;

5. Вы будете самым тщательным образом проверять тех, кому вы поручите отдельные дела, которыми не сможете заниматься сами, и в случае, если они не понравятся нации, вы их немедленно отстраните и призовете других, которых она одобрит;

6. Наконец, рассматривая себя как простого опекуна своей семьи, вы будете всегда и в любой час готовы принять советы, которые вам станут давать, и выслушивать без различий ранга или рождения всех, кто захочет сообщить вам свои соображения, касающиеся общего блага»¹⁴³.

Как же представляет себе Руйе этот суверенный трибунал нации, наблюдающий за выполнением законов и за деятельностью королей? Руйе отвергает парламенты, которым эта деятельность явно оказалась не под силу, и предлагает вернуться к старому французскому учреждению — к Генеральным штатам. Он, однако, против простого повторения старого опыта. В прежних Генеральных штатах «собирали слишком богатых людей, которые, перетягивая на весах, подавляли все другие голоса. Каждый из них, будучи абсолютным властителем у себя, считал себя сувереном, и хотел, чтобы все уступало интересам его маленького удела; никто не хотел уступить, не было единства, не было гармонии»¹⁴⁴.

Новые Генеральные штаты, по его проекту, должны состоять из монарха, предполагаемого наследника (когда ему минет 20 лет), принцев крови, двенадцати светских пэров королевства, шести советников и государственных секретарей, канцлера, по одному представителю от каждой из палат парламента и, наконец, по четыре депутата от каждой из двадцати провинций королевства, причем один депутат должен избираться дворянством провинции, один — от коммерсантов, и двое должны быть уважаемыми земледельцами. Только Генеральные штаты будут иметь право изменять законы, объявлять войну и заключать мир, назначать на все должности и отклонять тех, кто не достоин их занимать, утверждать налоги и распределять их, проверять счета государственных секретарей и интендантов, следить за отправлением правосудия, карать беззаконие, невежество или небрежность судей и сменять их, если нужно, следить за поведением духовных пастырей и наказывать и даже смещать тех, чье поведение достойно порицания¹⁴⁵.

Чрезвычайно любопытна мысль Руйе о необходимости «ученического стажа» для предполагаемых наследников престола, в мистифицированной форме отражающая цеховую действительность предреволюционной Франции. Он пишет: «Абсолютно необходимо, чтобы во всякой наследственной монархии: а) не только предполагаемый наследник, но и все возможные наследники короны принадлежали государству и воспитывались бы людьми, избранными и назначенными всей нацией в целом; б) чтобы эти дети воспитывались вдали от двора и, не подозревая сана, который их ожидает, даже прошли бы последовательно через все классы общества, пребывая более или менее продолжительное время во всех провинциях; в) следует также, чтобы они ознакомились на собственном опыте (курсив подлинника. — Л. Г.) с заботами, трудом, усталостью и даже нищетой»¹⁴⁶.

¹⁴³ Ibid., p. 64—65.

¹⁴⁴ Ibid., p. 270.

¹⁴⁵ Ibid., p. 63.

¹⁴⁶ Ibid., p. 63—64.

Ру́йе предвидит и случай, когда законный наследственный король не оправдает чаяний народа: «Было бы даже желательно, чтобы в случае, если правящий монарх не выполнит своего долга и не сделает народ счастливым, трибунал — *хранитель законов и представитель нации* (курсив подлинника. — Л. Г.) имел бы право низложить его и назначить другого из его рода»¹⁴⁷. Вот для чего Ру́йе нужна школа возможных претендентов: чтобы, оставаясь в рамках строжайшего легитимизма, свергать не угодных народу королей и избирать новых! Все это не может не напомнить нам монархических иллюзий 1789 г. — и еще раз предостерегает историка от поспешных выводов. За монархизмом Ру́йе лежит, несомненно, иное содержание, чем за монархизмом Монтескье или Ривароля.

Ру́йе кратко определяет обязанности короля, деля их на внешние и внутренние: внешние — это «воспрепятствовать тому, чтобы иностранцы являлись мешать собственникам спокойно пользоваться своим имуществом»¹⁴⁸, а внутренние — «обеспечить всем частным лицам, составляющим нацию, свободу, безопасность, удобство и спокойствие»¹⁴⁹.

Этому «народному королю» предстоит вернуть Францию к блаженно-патриархальному строю, в первую очередь, путем отказа от колоний: «Продадим, променяем сами все наши колонии и все наши отдаленные предприятия без всякого исключения, отречемся от морской торговли, этой матери-кормилицы роскоши, причины всех наших бед»¹⁵⁰, — а также путем жесткой налоговой политики в отношении городов и буржуазии: «Обложим высокими налогами жителей городов и запретим навеки предпринимательство и всякое занятие за свой собственный счет»¹⁵¹. В результате этих мер, предвидит Ру́йе, наступит счастье: «Города приходят в упадок, жители возвращаются в деревни, земли обрабатываются, соревнование возрождается, население прибывает, сельское хозяйство оживает во всех направлениях. Повсюду делают законных детей, число которых составляет богатство земледельца благодаря той помощи и поддержке, которые они оказывают... никто больше не будет знать пороков, которые останутся погребены под развалинами и обломками городов, и дети этой счастливой расы будут сами счастливы, сильны и здоровы»¹⁵².

В этой стране будут понимать, что «больше славы заслуживает тот, кто кормит своих соседей, чем тот, кто их убивает»¹⁵³. Поэтому в ней будут награждать триумфом не воинов, а лучших крестьян: «Если бы самый трудолюбивый земледелец, самый заботливый, наиболее активно стремящийся к общему благу, разумно и продуманно ставящий опыты всякого рода и т. д., мог получать от правительства, из рук интенданта красивого коня или красивого быка, и если бы его провели, усадив на это животное, украшенное лентами, по всему кантону под звуки гобоев и вольнок, увенчав его голову пшеничными колосьями; и если бы ему после этой церемонии оставили в собственность этого быка или коня, чтобы они служили производителями, разве все, кто повел бы к ним своих кобыл или коров, не позавидовали бы судьбе этого земледельца и не стремились бы к столь почетному и столь прибыльному отличию?»¹⁵⁴

Естественно, что эта страна не будет вести никаких войн, тем более что враги будут остерегаться ее: «Когда мягкость и устойчивость правления сделают всех французов счастливыми, Франция вскоре будет более населена, чем Китай; вся Европа будет знать, что ее плохо примут, если она

¹⁴⁷ «Alambic moral», art. «Garnison», p. 64.

¹⁴⁸ Ibid., p. 66.

¹⁴⁹ Ibid., p. 69.

¹⁵⁰ Ibid., p. 50.

¹⁵¹ Ibidem.

¹⁵² Ibid., p. 53.

¹⁵³ Ibid., art «Triomphe», p. 526.

¹⁵⁴ Ibidem.

¹⁵⁵ «Alambic des loix», p. 68.

нападет на нас»¹⁵⁵. Руйе предлагает также обезопасить Францию системой договоров о нейтралитете: «У нас будет очень простое средство обеспечить нам вечное спокойствие (или по крайней мере очень долгое), а именно — заключить со всеми народами договоры о нейтралитете во всех возможных случаях, обязуясь ни под каким предлогом не пропускать ничьих войск»¹⁵⁶.

В этой стране, где все будут довольны, трудолюбивы и нравственны, казалось бы, не должно быть преступлений. Но Руйе все же предвидит возможность появления преступников; для них он разрабатывает сложную пенитенциарную систему, основывающуюся на различной градации, различной степени социальной опасности преступников. Однако он отвергает смертную казнь и тем более пытку, а также систему штрафов за преступления, ибо «денежные наказания дают слишком много преимуществ богачам, которые смогут делать все, что им угодно, раз можно сквитаться деньгами»¹⁵⁷. Руйе возражает и против сословного суда: высшие сословия хотят, чтобы их судили равные, «в надежде на то, что один цирюльник, как говорится, побреет другого. Но для блага общества необходимо, чтобы они подверглись той каре, которую заслужили... Поэтому в интересах нации, чтобы они никогда не имели права ускользнуть от суда любого трибунала»¹⁵⁸, а то, указывает он, у нас «слишком часто порют только паж»¹⁵⁹, т. е. карают лишь социально слабым.

Руйе предлагает для всех видов преступлений один вид наказания: принудительные работы, различающиеся лишь степенью трудности и длительностью срока. На первое место он ставит, в соответствии с уголовным правом своего времени, богохульство и оскорбление короля. Хотя он предлагает карать эти преступления по высшему счету, он тут же делает оговорку, которая внешне оправдывает его строгость, а на самом деле почти сводит ее на нет: «Если бы каждый имел право мстить ему (королю.— Л. Г.) за мнимые беды, которые он терпит (почти всегда без ведома короля), никто не захотел бы быть монархом, и был бы совершенно прав»¹⁶⁰.

Руйе готов карать и негативные преступления, типа бродяжничества и отсутствия определенных занятий. По его определению, «бродяга, это всякое лицо, кто, не имея собственности, не привязан к собственности другого (курсив подлинника.— Л. Г.)»¹⁶¹. В это понятие он включает «маленьких аббатов без аббатства, монахов, плутов, множество рыцарей наживы, самозванных дворян, всех бездельников, выброшенных на улицу слуг и рабочих, нищих и т. д.». По предложению Руйе, их нужно забирать в армию, или отправлять на принудительные работы (по четвертому классу), «пока они не найдут себе полезного, определенного и постоянного занятия»¹⁶².

Утопия Руйе, как и революционная литература, сопровождавшая первые движения пролетариата¹⁶³, носит отчетливо выраженный грубо аскетический характер. Это особенно заметно там, где Руйе говорит о литературе и искусстве.

С его точки зрения, театр развращает нравы (тут Руйе перекликается с Руссо), а актер, отдающий свой талант на то, чтобы развлекать других, «достоин лишь презрения»¹⁶⁴. Он возражает против «всеобщей мании авторства»¹⁶⁵, гораздо полезней было бы, если бы эти авторы занялись сель-

¹⁵⁶ Ibid., p. 68—69.

¹⁵⁷ Ibid., p. 139.

¹⁵⁸ Ibid., p. 186—187.

¹⁵⁹ Ibid., p. 185.

¹⁶⁰ Ibid., p. 378.

¹⁶¹ Ibid., p. 400—401.

¹⁶² Ibid., p. 401.

¹⁶³ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 455.

¹⁶⁴ «Alambic moral», art. «Acteur», p. 15.

¹⁶⁵ Ibid., art. «Auteurs», p. 73—74.

ским хозяйством, коммерцией и т. п., романы же и стихи, из-за которых «публика затоплена распадающимися», вредны¹⁶⁶.

Особое место в построениях Руйе занимают академии. По его мнению, они должны стать институтом «подлинно уважаемым, даже среди гурунов: им должна принадлежать подлинная власть, утвержденная нацией»¹⁶⁷. Он предлагает создать ряд академий по разделам науки: так, Французская академия должна стать «трибуналом языка»¹⁶⁸, ей надлежит «очистить язык от всех ненужных и двусмысленных слов, закрепить за каждым словом его единственное реальное значение, отменить множество новых словечек вроде *persiflage* (передразнивание, насмешка.— *Л. Г.*) и тысячи им подобных, которые образуют при дворе и в столице жаргон, непонятный всей остальной Франции... Тот же трибунал установит и закрепит навсегда точную орфографию, признанную всей Францией и повсюду соблюдаемую, чтобы в соответствии с верным принципом, что правописание предназначено отражать слова, бумага давала бы правильный образ произносимых звуков»¹⁶⁹.

В этих мыслях Руйе отчетливо отражается та борьба стилей во французском языке, в которой проявлялись острые идеологические противоречия накануне революции. Известна тенденция аристократии XVIII в. (и идущих в ее фарватере верхних слоев буржуазии) обособиться от низших сословий даже языком, избежать огрубляющей точности терминов и уйти «от слов, оскверненных тем, что их использует чернь»¹⁷⁰, в мир изысканных перифраз. Отсюда борьба представителей демократической культуры Просвещения за народность языка, вплоть до упрощения орфографии. Эту тенденцию мы обнаруживаем в таких теоретических построениях ученых, как в известном труде энциклопедиста Дюмарсе «Трактат о тропах»¹⁷¹, в памфлетах аббата Куайе «Чудесный год» и «Письмо английской даме»¹⁷², у плебейских писателей Дюлорана¹⁷³ и Ретифа де ла Бретона¹⁷⁴. Спор этот далеко выходил за рамки академического языкознания и становился элементом борьбы за новую, демократическую мысль¹⁷⁵. Таким образом, Руйе со своими наивными положениями вливается в общий поток борцов за народность языка.

«Трибунал науки», по Руйе, должен иметь «право и власть пресекать появление всех произведений, противных нравам, разуму и здравому смыслу»¹⁷⁶. Медицинский трибунал должен слить воедино медицину, хирургию, анатомию и химию; Руйе возражает против чрезмерной, с его точки зрения, дифференциации наук. Трибунал физики, механики и гидравлики должен инспектировать науки и ремесла. Попутно, одним росчерком пера Руйе предлагает закрыть академию древностей и отказаться от изучения памятников, как бесполезного занятия, запретить изучение скульптуры, гравюр и архитектуры, так как это «занятия не только бесполезные, но и вредные для добрых нравов»¹⁷⁷.

¹⁶⁶ «Alambic moral», art. «Romans», p. 495.

¹⁶⁷ Ibid., art. «Académie», p. 6.

¹⁶⁸ Ibid., p. 7.

¹⁶⁹ Ibidem.

¹⁷⁰ A. Bellegarde. *Réflexions sur l'élégance et la politesse du style*. Paris, 1706, p. 136.

¹⁷¹ C.-C. du Marsais. *Traité des tropes, ou des différents sens dans lesquels on peut prendre un même mot dans une langue* — Oeuvres, t. III. Paris, 1797.

¹⁷² [G. F. Coyer]. *Bagatelles morales*. [s. l.], 1754.

¹⁷³ См. [H.-J. Dulauren]. *L'Arretin moderne*, t. I. Rome [?], 1776, p. 88; idem. *Des abus dans les cérémonies et dans les moeurs*. Genève, 1767, p. 287—289.

¹⁷⁴ См. орфографию первого издания его книги: [Restif de la Bretonne] *Monsieur Nicolas ou les Dangers de la ville*. [Paris], 1775.

¹⁷⁵ См. Л. С. Гордон. *Борьба стилей во французской литературе XVIII века как отражение противоречий Просвещения*. — *Тезисы межвузовской конференции по стилистике художественной речи*. М., 1962.

¹⁷⁶ «Alambic moral», art. «Académie», p. 10—11.

¹⁷⁷ Ibid., p. 13.

Чрезвычайно характерно, однако, что, предлагая «трибуналу наук» за-прещать опасные мысли, Руйе наряду с этим призывает к полной свободе книгопечатания: «Суд публики справедлив; дайте свободу думать и говорить, а публика рассудит, она сумеет даже исправить авторов, если нужно. Правительство же никогда не должно вмешиваться в это дело: именно запреты и трудности увеличивают количество брошюр»¹⁷⁸. И Руйе заканчивает лозунгом: «Свобода во всем и всюду!»

В счастливой стране Руйе нет места для коллежей, где преподают излишние науки и где дети торговцев, ремесленников и крестьян, «оказываясь в течение ряда лет товарищами молодых вельмож, начинают презирать своих родителей»¹⁷⁹. Школы для всех сословий, где учили бы чтению, письму и счету, должны быть бесплатными и обязательными для всех детей без всякого исключения¹⁸⁰.

Наконец, в той Франции, которая грезилась Руйе, должно было быть обращено большое внимание на здравоохранение, созданы школы повивальных бабок (потому что «народонаселение — богатство нации»¹⁸¹) и изгнаны ложные средства из медицины: «Доктора, аптекари и их снадобья — вот худшие враги человечества»¹⁸².

* * *

Из произведений Огюстена Руйе (или псевдо-Руйе) «Alambic moral» и «Alambic des loix» перед нами вырисовывается широкая картина обид и надежд крестьянства Франции накануне революции. Как писатель Руйе чрезвычайно не собран: он повторяется, перебивает себя, не логичен, лишен связности, и, не переоценивая своих писательских талантов, сам порой называет свое творчество болтовней (radotage). Тем не менее историк не имеет права пренебречь его свидетельством: слишком многое у него предваряет наказания крестьянских приходов, показывая нам, что обиды крестьян ощущались и, главное, осознавались ими уже за 15—20 лет до революции. Картина чудовищных поборов, злоупотреблений сеньориальным правом, нарушений и без того ограниченных прав крестьян, встающая из книг Руйе, помогает нам почувствовать степень их ожесточения, накал накопившейся в них ярости, неоднократно прорывающейся на протяжении столетия и давшей, наконец, великий взрыв 1789 г. Руйе нигде не грозит феодалам; однако в его книгах отчетливо видны те настроения, которые летом 1789 г. проявились пожарами «Великого страха»¹⁸³. Ведь с точки зрения крестьян феодальные права давно изжили себя, осталось только бросить в пожарище документы, гарантировавшие дворянам эти давно потерявшие смысл права. Если существовало правило «nul seigneur sans titre», то стоило сжечь эти «titres», чтобы сеньор лишился своих прав. Так в книгах Руйе ощущаются скрытые пока угрозы крестьянской войны 1789 г.

Но важно, что весь антисеньориальный пафос Руйе говорит нам о неизжитых и неразрешенных внутренних противоречиях феодализма, а не о завершившемся рождении новой идеологии. Его ненависть к сеньорам позволяет предвидеть великую буржуазную революцию; но мы видим, что он ненавидит новую, буржуазную Францию не меньше, чем Францию сеньоров. Отсюда иллюзии и надежды, реакционная утопия о патриархально-

¹⁷⁸ Ibid., art. «Imprimerie», p. 336—337.

¹⁷⁹ Ibid., art. «Collèges», p. 131.

¹⁸⁰ Ibid., art. «Ecoles», p. 227.

¹⁸¹ Ibid., art. «Accouchement», p. 13.

¹⁸² Ibid., art. «Drogués», p. 223.

¹⁸³ О «Великом страхе» существует огромная литература (см. в первую очередь: G. Lefebvre. La Grande Peur de 1789. Paris, 1932; А. В. Адо. Крестьянские восстания в начале французской революции в 1789 г.— «Из истории общественных движений и международных отношений». М., 1957).

крестьянской Франции и ее народном короле. Это позволяет понять ошибки и политические метания крестьян в годы революции: вражда к сеньорам звала в ряды волонтеров 1792 г., чтобы не отдать интервентам полученную землю; а вражда к городу, надежда на народного короля уводила многих крестьян в ряды вандейцев 1793—1795 гг.

Таково, по нашему мнению, значение книг Руйе. Но теперь следует попытаться ответить на вопрос об их авторе: кто же он, каково его настоящее место в созданной им картине жизни Франции, насколько верны сведения о нем в библиографических справочниках?

На первых страницах «*Alambic des loix*» автор повествует о себе; однако в его словах чувствуется такой привкус выдуманной автобиографии, они отзываются столь явной литературщиной, что принять их на веру мы никак не можем. Автор рассказывает о своей богатой семье¹⁸⁴, но это противоречит его же признанию о том, что у него пока нет средств на издание задуманных книг¹⁸⁵. Поэтому мы не можем поверить в его богатство. Когда он рассказывает о том, что поступил на военную службу ради того, чтобы хорошо изучить Францию и что он привязался к военной службе, полюбил ее и «покинул с сожалением»¹⁸⁶, это противоречит всей его выношенной и глубоко прочувствованной ненависти к войне и военным. Поэтому и тут мы вынуждены усмотреть только желание придать себе больше веса в глазах читателя, и не верим ему.

Точно так же можно усмотреть преувеличение в словах: «Я посетил всю Францию вплоть до мельчайших подробностей (таков его стиль.— Л. Г.)»¹⁸⁷. Автор явно знает большой город только понаслышке; похоже, что он сам не видал ни мест, где крепостные стонут под гнетом «мертвой руки», ни областей «большой габели» (на востоке Франции) и не знает всех бедствий, связанных с взиманием соляного налога; в противном случае он отозвался бы о «мертвой руке» и о габели с большей силой, а не отделался бы небольшими отписками, которые можно было написать, не будучи очевидцем бесчинств «габелеров» — сборщиков соляного акциза, — сумел же он написать филиппику против *capitanerie* — феодальной привилегии охоты.

Но зато для нас представляют бесспорную ценность следующие автобиографические признания Руйе: «Я не ходил в замки — я бы ничему там не научился; но я связывался с кюре, судьями, негоциантами, чиновниками откупной системы, коммерсантами, землевладельцами, хлеботорговцами и ремесленниками»¹⁸⁸. Хотя после этих слов мы снова находим у него явные преувеличения: «Нет ремесла, которого бы я не испробовал лично, не изучил бы до конца»¹⁸⁹. Советуясь с представителями всех слоев, изучая их настроения, вслушиваясь в их жалобы и пожелания, Руйе явно пренебрегает мнением высших сословий, о которых он не говорит иначе, как с презрительной насмешкой: «Временами я советовался с любезниками и щеголями, но немедленно вычеркивал все, что они находили милым, очаровательным и прелестным»¹⁹⁰.

Есть в книгах Руйе один оттенок, одна постоянно звучащая тема, которая позволяет нам попытаться уточнить социальный облик автора и даже высказать некоторые предположения о его профессии: это настойчиво повторяющиеся в его трудах, высказываемые по разным поводам мысли о здоровье, о необходимости вести здоровый образ жизни, о пользе ванн и нормального (вегетарианского!) питания, о шарлатанстве дипломированной медицины, о вреде излишеств и ртутных препаратов, о значении бо-

¹⁸⁴ «*Alambic des loix*», p. VI—VII.

¹⁸⁵ *Ibid.*, p. XIII—XIV.

¹⁸⁶ *Ibid.*, p. IX.

¹⁸⁷ *Ibid.*, p. IX—X.

¹⁸⁸ *Ibid.*, p. IX.

¹⁸⁹ *Ibid.*, p. X.

¹⁹⁰ *Ibid.*, p. XI.

таники для сбора лекарственных трав. Мы полагаем поэтому, что автор отнюдь не аристократ (из семьи Руи́е д'Орфей!), и не военный, а скорей всего простой сельский лекарь, представитель не дипломированной университетской медицины, а той скромной сельской практической медицины (*médecine empirique*), которая была так распространена в XVIII в. во Франции; как известно, ей отдала в свое время дань и увлекающаяся господа Варанс, воспитательница Ж.-Ж. Руссо¹⁹¹.

Происходя из социальных низов, автор именно в их среде и ищет своих читателей: «Я старался быть понятным всем классам граждан без исключения, ибо я убежден, что те, кого называют последними классами, стóят по меньшей мере столько же, и имеют по меньшей мере такое же право на общее дело, как и первые»¹⁹². Им он представляет свои книги — «результат 25-летнего упорного и постоянного труда»¹⁹³. И на вопрос, волновавший его современников и вызывавший их ожесточенные споры, вопрос, по которому выступали Фонтенель и Дюмарсе, Фридрих II и Вольтер, — вопрос о том, можно ли народу сообщать полную истину, наш автор дает недвусмысленный и убежденный ответ: «Но не все истины удобно высказывать, скажут мне... Я же думаю иначе и от всего сердца верю в то, что, поскольку истина является подлинным и даже единственным поводом человека, нужно быть признательным каждому, кто захочет нам ее представить. Она никогда не может повредить честным людям. А я слишком презираю иных, чтобы беспокоиться о них. Всякий человек, боящийся зеркала истины, молчаливо признается в своей неправоте»¹⁹⁴.

Этим заявлением Руи́е включается в общий поток демократической мысли своего времени, провозглашенной великими умами, «которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции»¹⁹⁵. Тем самым оправдан наш интерес к нему.

¹⁹¹ J.-J. Rousseau. Les Confessions, t. I, livre II. Paris, 1956, p. 72.

¹⁹² «Alambic des loix», p. XI.

¹⁹³ Ibidem.

¹⁹⁴ Ibid., p. XV.

¹⁹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 16.

Тематически связанные материалы

А.Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы

Великой французской революции

В.Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке

В.Волгин. Социальные и политические идеи

во Франции перед Революцией

В.Волгин. Французский утопический коммунизм

Л.Гордон. Некоторые итоги изучения запрещенной литературы

эпохи Просвещения (вторая половина XVIII в.) / ФЕ 1959

Р.Дерате. Современные труды о политических идеях

во Франции в век Просвещения/ ФЕ 1966

А.Иоаннисян. Мишель Кюбьер в годы революции

С.Гужон. Последние сочинения и последние годы жизни Пьера Доливье

С.Сафронов. Социальные воззрения Пьера Доливье

С.Сафронов. Социальные воззрения Буасселя

Л.Гордон. Забытый утопист XVIII века Тифэнэ Деларош

Л.Гордон. Неизвестный публицист XVIII в. Огюстен Руи́е

Г.Бесс. Забытый проповедник Франсуа-Леон Реги (1725-1789)

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm